

An impressionist painting by J.M.W. Turner titled 'Rain, Steam, and Great Bridge' (1843). It depicts four women in white dresses standing on a grassy bank overlooking a body of water. One woman stands in the center, looking out at the water with her hand to her forehead. To her left, two women are seated, and to her right, another woman is seated, looking towards the water. The sky is a vibrant blue with soft, white clouds. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a focus on light and color.

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

Юные жены

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Луиза Мэй Олкотт

Юные жены

«Азбука-Аттикус»

1869

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Юные жены / Л. Олкотт — «Азбука-Аттикус», 1869 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-18391-9

«Юные жены» – продолжение самого известного романа Луизы Мэй Олкотт «Маленькие женщины». Действие в нем происходит спустя три года после событий, описанных в предыдущей части. Очаровательные девочки семейства Марч незаметно превратились в изысканных леди, не потеряв при этом ни крупинки своего очарования. Теперь, покинув уютную страну детства, они должны вступить в необозримое, неизведанное пространство взрослой жизни. И конечно, несмотря на предстоящие печальные уроки, любовные драмы и тяжелые испытания, каждая из них обязательно найдет свое счастье, хотя совсем не там, где им казалось в начале этого долгого пути. В настоящем издании представлен новый перевод романа, отражающий все особенности и своеобразие оригинального текста.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18391-9

© Олкотт Л., 1869

© Азбука-Аттикус, 1869

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Louisa May
ALCOTT
1832 — 1888

Луиза Мэй Олкотт

Юные жены

© И. М. Бессмертная, перевод, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Глава первая

Сплетни

Итак, чтобы снова начать и суметь попасть на свадьбу Мег, освободившись от посторонних мыслей, хорошо будет немного посплетничать о семействе Марч. И позвольте мне сразу же предупредить, что, если кто-то из старожилов найдет – как я опасаюсь, – что в этой истории слишком много «влюбленничают» (у меня нет опасений, что молодежь станет возражать против этого), я смогу лишь повторить вслед за миссис Марч: «Чего же иного можно ожидать, если в доме четыре веселые девчушки, а по соседству – малец удалой сорванец?!»

Прошедшие три года мало что изменили в тихой жизни этого семейства. Война закончилась, мистер Марч благополучно пребывает дома, погруженный в свои книги и в дела своего небольшого прихода, прихожане которого находят в нем пастыря столько же по призванию, сколько и по милости Господней. Мистер Марч по своей натуре – человек спокойный, хорошо образованный, обогащенный мудростью, что бывает еще ценнее учености, милосердием, что всех людей называет братьями, благочестием, что расцветает характером прекрасным и полным достоинства.

Эти качества и, несмотря на его бедность, неподкупная честность, стоявшая преградой более мирским путям к успеху, всегда привлекали к нему многих достойных восхищения людей столь же естественно, как благоуханные растения влекут к себе пчел, и столь же естественно он отдавал им мед, в который за пятьдесят лет трудного опыта не просочилось ни капли горечи. Серьезные молодые люди видели в седовласом ученом человека душой столь же молодого, как они; вдумчивые или чем-то удрученные женщины инстинктивно тянулись к нему со своими сомнениями, уверенные, что найдут у него самое искреннее сочувствие, смогут получить самый мудрый совет. Грешники приходили к нему поведать о своих прегрешениях и получали от этого чистого сердцем старого человека не только заслуженный выговор, но и отпущение. Люди одаренные находили в нем прекрасного собеседника. Честолюбивые замечали, что его стремления благороднее, чем их собственные, и даже души совершенно «мирские», ради успеха готовые на все, признавали, что его убеждения прекрасны, хотя, конечно же, «никогда не окупаются».

Окружающие полагали, что домом правят пять энергичных женщин, и на самом деле так оно и было во многих отношениях; однако молчаливый, погруженный в свои книги ученый тем не менее был настоящим главою семейства, совестью всех и каждого в доме, их опорой и утешителем, ибо именно к нему в трудные минуты всегда обращались эти деятельные женщины со своими тревогами, находя в нем мужа и отца в самом истинном смысле этих священных слов. Сердца дочерей были доверены попечению матери, духовные же стремления – попечению отца, и обоим родителям, которые всю жизнь так преданно трудились ради них, дочери отдавали любовь, все возмраставшую по мере того, как они выросли, и связавшую их вместе столь нежно и нерушимо сладчайшими узами, что осчастливливают жизнь и помогают пережить саму смерть. Миссис Марч все так же оживлена и бодра, хотя седины в ее волосах стало больше, чем было, когда мы видели ее в прошлый раз. Сейчас она настолько занята делами Мег, что госпитали и дома, по-прежнему переполненные ранеными и больными «мальчиками», да и солдатские вдовы тоже скучают без материнской заботы этой ласковой миссионерки.

Джон Брук мужественно выполнял свой воинский долг в течение года, был ранен, отправлен домой, и ему не разрешили возвратиться в строй. Он не получил ни звезд, ни нашивок, но он их, конечно, заслуживал, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а ведь жизнь и любовь весьма драгоценны в ту пору, когда они в полном цвету. Совершенно смирившись со своим увольнением из армии, Джон посвятил свои усилия тому, чтобы быстрее вылечиться,

приняться за работу и создать домашний очаг для Мег. Со свойственными ему здравомыслием и стойкой независимостью характера он отказался принять более щедрые предложения мистера Лоренса и поступил на должность бухгалтера, считая, что лучше начать с того, чтобы честно зарабатывать деньги, чем пойти на риск и заняться бизнесом на деньги, взятые в долг.

Мег провела эти годы, по-прежнему работая, но и ожидая, и становясь все более женственной: она овладевала искусством вести дом и к тому же становилась все краше и краше – ведь любовь великолепно умеет делать нас красивее! Разумеется, у нее были девичьи амбиции, девичьи мечты, и она чувствовала некоторое разочарование при мысли о том, как скромно должна начаться ее новая жизнь. Нед Моффат только что женился на Сэлли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом и прекрасный экипаж, множество подарков и прелестный свадебный наряд подруги с тем, что будет у нее, не могла не желать втайне, чтобы и она сама обладала такими же замечательными вещами. Но почему-то зависть и тревога тут же исчезали, стоило ей подумать о стойком терпении, о любви и упорном труде, каким Джону удалось обрести для нее тот небольшой дом, что ждал ее теперь, и когда они сидели вместе в сумерках, обсуждая свои скромные планы, будущее тотчас представлялось таким прекрасным и светлым, что Мег забывала о великолепии Сэлли и чувствовала себя самой счастливой девушкой во всей христианской вселенной.

Джо больше не вернулась к тетушке Марч, потому что старая дама так привязалась к Эми, что подкупила ее предложением оплачивать ее уроки рисования у одного из лучших учителей города, а ради этого Эми была бы готова служить и гораздо более суровой госпоже. Так что теперь она посвящала свои утра исполнению долга, а дни – удовольствиям и преуспевала во всем. Джо тем временем целиком отдавалась литературе и Бет – девочка была все еще слаба здоровьем, хотя тяжелая скарлатина стала уже делом давнего прошлого. Бет вовсе не превратилась в инвалида в полном смысле этого слова, но ее щеки никогда больше не розовели так ярко, и она не походила на то пышущее здоровьем создание, каким была раньше. Тем не менее она всегда оставалась полной надежд, счастливой и спокойной, не переставала молчаливо выполнять свои любимые обязанности – быть другом всем и каждому и сущим ангелом в доме задолго до того времени, когда те, кто так сильно ее любил, научились это понимать.

Пока газета «Спрэд Игл»¹ платила Джо по доллару за колонку ее «вздора», как она называла эти рассказы, наша сочинительница чувствовала себя «женщиной со средствами» и аккуратно плела свои романтические небылицы. Однако в ее деятельной душе и честолюбивом мозгу заваривались великие планы, а на чердаке, в старом, обитом жестью кухонном столе, медленно, но неуклонно росла испещренная кляксами многостраничная рукопись, которой в один прекрасный день предстояло запечатлеть имя Марч на скрижалях славы.

Лори, почтительно выполняя свой долг, к великому удовольствию деда, поступил в колледж и теперь проходил курс учения самым по возможности легким образом, получая не меньшее, чем его дедушка, удовольствие. Всеобщий любимец, благодаря деньгам, прекрасным манерам, недюжинному таланту и необычайному добросердечию, из-за которого он вечно попадал во всяческие передраги, пытаясь вытащить из них кого-то другого, юный Лоренс оказался лицом к лицу с опасностью стать человеком, до предела избалованным. И возможно, так оно и случилось бы, как это бывает со многими мальчиками, подающими большие надежды, если бы Лори не обладал талисманом против такого зла: он помнил о добром старике, всем существом своим заинтересованном в успехе внука, о женщине-друге, что по-матерински не спускала с него глаз, словно он и вправду был ее сыном, и, наконец, но вовсе не в последнюю очередь он знал, что четыре чистых сердцем девушки любят его, им восхищаются и каждая из них верит в него всей душой.

¹ Звездочками помечены места, комментарии к которым читатель найдет в конце книги.

Разумеется, он был всего лишь «блистательный отпрыск рода человеческого»: он озорничал и флиртовал, пытался быть модным щеголем, увлекался то водным спортом, то гимнастикой, то сентиментальничал, послушно следуя повелениям моды своего колледжа; он подшучивал над другими студентами, а те подшучивали над ним, он широко пользовался студенческим жаргоном и не единожды оказывался на грани исключения – временного, а то и окончательного. Однако причиной его озорства всегда бывало веселое расположение духа и любовь к забавам, так что Лори удавалось спасти положение откровенным признанием вины, достойной компенсацией ущерба или непреодолимой силой убеждения, которой он владел в совершенстве. На самом деле он даже гордился тем, как ему удается выпутываться из почти безвыходных ситуаций, и ему нравилось волновать девиц Марч подробнейшими описаниями своих триумфов над гневными кураторами*, достопочтенными профессорами и поверженными противниками.

«Джентльмены нашей группы» стали героями в глазах четырех девиц, которым никогда не надоедало слушать о подвигах «наших ребят». Девицам даже позволялось купаться в лучах улыбок, расточаемых этими великими существами, когда Лори приезжал с ними к себе домой из колледжа.

Этой высокой честью особенно наслаждалась Эми, ставшая у них «царицей бала», ибо сия юная леди рано почувствовала в себе – и научилась использовать – дар очарования, которым она была наделена от рождения. Мег была слишком поглощена своим собственным и совершенно исключительным Джоном, чтобы интересоваться какими-то другими владыками Вселенной, застенчивая Бет осмеливалась лишь время от времени поглядывать на них издали и изумляться, как это Эми решается ими командовать, ну а Джо чувствовала себя в их среде совершенно в своей стихии, и ей было трудно удержаться от подражания манерам этих джентльменов, их выражениям и поступкам, что для нее казалось более естественным, чем внешняя благопристойность, предписываемая юным леди. Всем «нашим ребятам» Джо нравилась невероятно, но никто и не думал в нее влюбиться, хотя очень немногие избежали соблазна уплатить сентиментальную дань в виде пары-другой вздохов у обители Эми. А раз уж мы заговорили о сантиментах, это должно совершенно естественно привести нас к «Давкоту»*.

Таково было имя небольшого дома из коричневого кирпича – первого домашнего очага, который мистер Брук приготовил для Мег. Окрестил его так не кто иной, как Лори, заявивший, что такое имя в высшей степени подобает обители нежных влюбленных, которые не только целуются да милуются, но еще и воркуют, словно голубок и горлица. «Давкот» был крохотный домик, с маленьким садом за ним и лужайкой впереди, почти такой же величины, как носовой платок. Здесь Мег намеревалась устроить фонтан, насадить кустарник и массу прелестных цветов; правда, в настоящее время роль фонтана исполняла потрепанная непогодой урна, видом своим весьма напоминавшая сильно потрепанную непогодой бадью для помоев, кустарник состоял из нескольких молоденьких лиственниц, пока еще не решивших, стоит ли им жить или лучше сразу помереть, а на массу цветов пока намекали лишь полчища палочек, намечавших места, куда должны были лечь семена. Разумеется, коридор в доме был так узок, что явилось великой удачей отсутствие у них фортепиано, ибо никакое фортепиано никогда не могло бы протиснуться там в целости и сохранности; столовая была так мала, что шестеро обедающих с трудом могли бы в ней поместиться, а лестница, ведущая на кухню, казалась созданной со специальной целью низвергать слуг и разнообразный фарфор прямо в ларь для угля. Но стоило лишь привыкнуть к этим не очень значительным недостаткам, как оказывалось, что все здесь совершенно безупречно, ибо здравый смысл и хороший вкус главенствовали при выборе обстановки и результат удовлетворял самым высоким требованиям. В доме не было мраморных столиков и высоких зеркал, не было и кружевных гардин в маленькой гостиной, зато была простая мебель, множество книг, пара-тройка чудесных картин, жардиньерка в эркере, полная

цветов, и разложенные повсюду милые подарки от друзей, ставшие еще более милыми благодаря полным любви запискам, в них вложенным.

Я не думаю, что Психея из париана*, подарок от Лори, утратила хоть малую толику своей прелести оттого, что Джон сам приделал к стене полочку, на которую ее поставили; что у какого-нибудь драпировщика простые муслиновые занавеси могли бы висеть более изящными складками, чем выйдя из художнических рук Эми; или что какая-то другая кладовая оказалась бы более полна припасов, сопровождаемых веселыми словами, добрыми пожеланиями и выражением самых счастливых надежд, чем кладовая маленького дома, куда Джо вместе с матерью доставили для Мег разнообразные ящики, бочонки и пачки; и я до глубины души уверена, что с иголки новая кухонька никогда не выглядела бы такой уютной, если бы Ханна не переставляла каждую кастрюлю и сковородку туда и сюда по дюжине раз и не разложила бы дрова в камине так, что его можно было разжечь в ту же минуту, как «мисус Брук войдет в её дом». Сомневаюсь к тому же, что какая-нибудь иная юная хозяйка начинала самостоятельную жизнь со столь богатым запасом тряпок для пыли, тряпок-прихваток и мешочков для лоскутов, ибо заботливая Бет нашла их столько, что Мег всего этого хватит до серебряной свадьбы. А еще она придумала три разных вида посудных тряпочек – специально для сверхспешного мытья свадебных тарелок и чашек.

Люди, делающие себе все эти вещи на заказ, не имеют даже понятия о том, что они теряют, потому что самые неприятные домашние обязанности становятся приятнее, если выполнять их помогают любящие руки, и Мег обнаружила столько доказательств этого, что все в ее крохотном гнездышке – от скалки на кухне до серебряной вазы на столе в гостиной – красноречиво говорило о родном доме, о любви и нежной заботливости близких.

Какие счастливые часы проводили они, вместе всё планируя, как торжественно совершали экскурсии по магазинам, какие забавные ошибки они делали и какой неудержимый хохот вызывали у них смехотворные «выгодные приобретения» Лори. Из любви к забавным шуткам этот юный джентльмен, почти уже окончивший колледж, по-прежнему оставался еще мальчишкой. Последним его капризом стало привозить в каждый из его еженедельных приездов домой какую-нибудь новую, полезную и хитроумную вещь для молодой хозяйки. То мешок замечательных прищепок для белья, то чудесную мельничку для мускатных орехов, развалившуюся на куски при первой же попытке ее использовать, затем – очиститель для ножей, попортивший все вычищенные им ножи, а то еще специальную щетку для ковра, счищавшую с ковра ворс, но оставлявшую на нем пыль и грязь, потом – быстросействующее мыло, экономящее усилия и сдирающее с рук кожу, безупречную оконную замазку, прочно прилипавшую исключительно к пальцам разочарованного покупателя, а не к чему-либо иному, и, наконец, всяческие скобяные изделия, от игрушечной копилки для лишних монеток до поразительного бака для кипячения, который должен стирать белье посредством собственного пара, с явной перспективой непременно взорваться во время этого процесса.

Напрасно Мег упрашивала Лори остановиться, напрасно Джон смеялся над ним, а Джо называла его «Мистер Тудлз»*. Но юным джентльменом овладело маниакальное стремление поощрять американскую изобретательность, а также желание обеспечить друзей ее результатами надолго вперед. Так что каждая новая неделя становилась свидетельницей нового абсурда.

Наконец все было сделано, Эми даже успела расположить разноцветные брусочки мыла так, чтобы они соответствовали цвету обоев в каждой из по-разному оклеенных комнат, а Бет – накрыть стол для первой трапезы в новом доме.

– Ну как, ты довольна? Тебе уже представляется, что здесь ты – у себя дома? Чувствуешь ли сейчас, что сможешь быть здесь счастлива? – спросила миссис Марч, обходя новые владения Мег об руку с дочерью, ибо как раз теперь они обе явно стремились быть как можно ближе и нежнее друг с другом, чем когда-либо прежде.

– Да, мама, совершенно довольна благодаря вам всем и до того счастлива, что даже говорить об этом не могу. – И взгляд Мег сказал гораздо больше, чем ее слова.

– Вот если бы она завела хотя бы одну или двух служанок, тогда все было бы в порядке, – заявила Эми, выходя к ним из гостиной: там она пыталась решить, где лучше смотрится бронзовый Меркурий – на этажерке или на каминной полке.

– Мы с мамой говорили об этом, и я думаю попробовать для начала последовать ее примеру. У меня ведь будет так мало обязанностей, что с Лотти на побегушках по моим поручениям и с ее всегдашней готовностью мне в чем-то помочь у меня едва достанет работы, чтобы не дать мне совсем облениться или заскучать по родному дому, – безмятежным тоном откликнулась Мег.

– А у Сэлли Моффат целых четыре... – начала было Эми.

– Если бы Мег завела себе четырех служанок, они не поместились бы у нее в доме и хозяину с хозяйкой пришлось бы разбить для себя лагерь в саду, – перебила ее Джо, которая в этот момент, завернувшись в огромный синий фартук, наводила окончательный блеск на дверные ручки.

– Но ведь Сэлли – не жена бедняка, и то, что у нее много горничных, вполне соответствует ее средствам и прекрасному положению в обществе. Мег с Джоном начинают весьма скромно, но у меня такое ощущение, что в их маленьком доме будет нисколько не меньше счастья, чем в каком-нибудь большом. Молодые девушки вроде Мег совершают величайшую ошибку, когда не оставляют себе никаких иных дел, кроме как наряжаться, отдавать приказания да сплетничать. Когда я только вышла замуж, мне, бывало, так хотелось, чтобы мои новые платья поскорее износились или порвались, тогда я могла бы с наслаждением заняться их починкой – так мне надоело заниматься вышиванием и ухаживать за своим носовым платочком.

– Так почему же вам было не отправиться на кухню и не перевернуть там все вверх дном, готовя разные кушанья, как, по словам Сэлли, она порой делает, чтобы развлечься? – спросила Мег. – Правда, у нее они никогда толком не получаются, и слуги над нею посмеиваются, – добавила она.

– Со временем я туда и отправилась, только не «перевернуть все вверх дном», а поучиться у Ханны, как все это делать, чтобы моим слугам не пришлось надо мной посмеиваться. Тогда это было всего лишь игрой, но пришла пора, и я была поистине благодарна за то, что у меня явилось не только желание, но и способность готовить полезные кушанья для моих маленьких дочек и обходиться без помощи слуг, когда я не могла больше их нанимать. А ты начинаешь с другого конца, Мег, дорогая моя, но урок, выученный тобой теперь, будет полезен и когда Джон станет богаче: ведь хозяйке дома, каким бы великолепным он ни был, следует разбираться в том, как должна выполняться работа, если она хочет, чтобы ей служили честно и добросовестно.

– Да, мама, я уверена, что так оно и есть, – отвечала Мег, уважительно выслушав маленькую лекцию матери, ибо эта самая лучшая из женщин очень любила рассуждать на столь всеобъемлющую тему, как домашнее хозяйство. – А знаете, вот комнатка, которая в моем домике-малышке нравится мне больше всех других, – сказала она минутой позже, когда все они поднялись наверх и она заглянула в чулан для столового и постельного белья с почти доверху заполненными полками.

Там обнаружилась Бет, все еще укладывавшая на свободные полки аккуратные белоснежные стопки и не перестававшая восхищаться великолепным подбором белья. Все дружно рассмеялись в ответ на слова Мег, так как этот бельевой чулан был неистощимым поводом для шуток. Ведь заявив, что, если Мег выйдет замуж за «этого Брука», она не получит ни цента из тетушкиных денег, тетушка Марч оказалась в довольно затруднительном положении, когда время утишило ее гнев и заставило старую даму пожалеть о своей угрозе. Она никогда не нарушала данного ею слова, и ей пришлось довольно сильно напрягать умственные способности,

решая, как такое затруднение обойти; в конце концов она придумала план, который вполне удовлетворял ее надобностям. Миссис Кэррол, матери Флоренс, было дано распоряжение купить материю, сшить на заказ и пометить невероятное количество домашнего белья: столовое белье и постельное, полотенца и чехлы для мебели – чего там только не было! – а затем отослать все это в качестве подарка от самой миссис Кэррол, что та преданно и исполнила. Но тайна выплыла наружу, и все семейство получило великое удовольствие, глядя, как тетушка Марч тщетно пытается сделать вид, что совершенно ничего об этом не знает, да еще утверждает, что дарить ей нечего, кроме давно обещанных первой невесте старомодных жемчугов.

– Вот это – вкус настоящей хозяйки дома, какой мне радостно видеть. У меня в молодости была подруга, которая так наладила домашнее хозяйство, что обходилась всего тремя парами простыней, но зато у нее было достаточно полоскательниц для пальцев*, чтобы подать каждому, когда к обеду приглашались гости, и это ее вполне устраивало, – сказала миссис Марч, поглаживая стопку дамастовых* скатертей, с поистине женским чутьем восхищаясь их превосходным качеством.

– А у меня нет ни одной полоскательницы для пальцев, зато Ханна говорит, что этого запаса белья мне хватит до конца моих дней. – И Мег выглядела очень довольной, да ведь иначе и быть не могло!

По дороге к дому быстро и решительно шагал широкоплечий молодой человек; его коротко стриженную голову покрывала шляпа, похожая на не слишком глубокий фетровый таз, а на плечах свободно развевался плащ. Он перешагнул через низкую изгородь, не задержавшись, чтобы открыть калитку, и приблизился к миссис Марч, протягивая ей обе руки с сердечным:

– Вот и я, матушка! Да, все в порядке.

Последние слова были ответом на взгляд, устремленный на молодого человека пожилой женщиной – его старшим другом, и прекрасные глаза Лори встретили этот добрый вопрошающий взгляд так открыто, что эта маленькая церемония закончилась, как обычно, материнским поцелуем.

– «Для миссис Джон Брук, с поздравлениями и приветствиями от того, кто это сделал...»* Вы просто Божье чудо, Бет! А вы, Джо, – что за ободряющее зрелище! Эми, вы становитесь слишком красивой для незамужней девицы!

Произнося все это, Лори успел вручить Мег сверток в коричневой оберточной бумаге, дернуть Бет за ленточку, поддерживавшую ее волосы, пристально оглядеть огромный фартук Джо и встать в позу иронического восхищения перед Эми, а затем принялся пожимать всем руки, и тут уж заговорили все разом.

– А где же Джон? – обеспокоенно спросила Мег.

– Задержался, чтобы получить лицензию на завтра*, мэм.

– Кто победил в последнем матче, Тедди? – задала ему вопрос Джо, по-прежнему интересовавшаяся мужскими видами спорта, несмотря на свои девятнадцать лет.

– Наши, разумеется. Жаль, тебя там не было – ты бы на них посмотрела!

– А как поживает прелестная мисс Рэндал? – спросила Эми с многозначительной улыбкой.

– Еще более жестока, чем всегда. Разве тебе не заметно, как я чахну день ото дня?! – Лори звонко шлепнул себя по широкой груди и издал мелодраматический вздох.

– А какова же его новая шутка? Распакуй же сверток, Мег, и посмотри, – сказала Бет, с большим любопытством взиравшая на бугристый пакет.

– Это – полезная штука, которую надо иметь в доме на случай пожара или ограбления, – пояснил Лори, когда из свертка под смех сестер появилась колотушка ночного сторожа. – В любое время, если Джона не будет дома, а вам, миссис Мег, вдруг станет страшно, просто высуньте ее в окно и тряхните – вся округа поднимется в один момент. Замечательная вещь,

не правда ли? – И Лори для примера тут же продемонстрировал им мощь этого устройства, что заставило всех тотчас заткнуть уши.

– Вот вам людская благодарность! Кстати, заговорив о благодарности, я вспомнил, что мне нужно сказать вам: следует поблагодарить Ханну за спасение свадебного торта от разрушения. Я видел, как его несли к вам в дом, когда проходил мимо, и, если бы она мужественно не бросилась на его защиту, я непременно взял бы себе кусок на пробу, потому что он выглядел невероятно соблазнительным.

– Вы когда-нибудь подрастаете, Лори, или нет, хотела бы я знать? – произнесла Мег тоном почтенной замужней дамы.

– Я очень стараюсь, мэм, но, боюсь, не смогу подрасти так уж намного, ведь шесть футов* – это практически все, чего способны достичь мужчины в наш дегенеративный век, – ответил юный джентльмен, чья голова почти касалась небольшой люстры.

– Я полагаю, что будет профанацией – есть в этом новеньком, с иголки, гнездышке, а так как я невероятно голоден, то предлагаю перенести наше заседание в другое место, – тут же продолжил он.

– Мы с мамой хотим дождаться Джона. Осталось еще кое-что уладить напоследок, – сказала Мег и поспешила прочь.

– Мы с Бет идем к Китти Брайант – взять еще цветов для завтрашнего дня, – проговорила Эми, прикрепляя живописную шляпку к своим живописным кудряшкам и наслаждаясь полученным эффектом ровно столько же, сколь и остальные.

– Пойдемте, Джо, не бросайте человека в беде! Я так истощен, что не способен дойти до дому без посторонней помощи. И пожалуйста, не снимайте ваш фартук, что бы вы в нем ни делали, он вам особенно к лицу, – попросил Лори, однако Джо уже укладывала этот предмет его особого отвращения в объемистый карман своего платья, после чего предложила молодому человеку руку, чтобы придать устойчивости его слабеющим шагам.

– А теперь, Тедди, я хочу серьезно поговорить с вами о завтрашнем дне, – начала Джо, когда они вместе медленно шли прочь от дома. – Вы должны пообещать, что будете вести себя хорошо и не станете разыгрывать никаких шуток, иначе вы сорвете все наши планы.

– Ни единой!

– И не произнесете ничего смешного, когда мы должны будем сохранять серьезность.

– Да я никогда такого не делаю. Это как раз в вашем духе.

– И умоляю: не смотрите на меня во время брачной церемонии! Я обязательно рассмеюсь, если вы посмотрите.

– Да вы меня и не увидите: вы будете так плакать, что возникший вокруг вас густой туман скроет всю перспективу.

– Я никогда не плачу. Только если какое-то большое несчастье.

– Ну да, например, если кто-то уезжает в колледж, не так ли? – заметил Лори, лукаво усмехаясь.

– Ну и нечего важничать, как павлин, – я только похныкала немножко, за компанию с девочками.

– Вот именно. Послушайте, Джо, а как на этой неделе дедушка? В хорошем расположении духа?

– Вполне. А что? Вы опять угодили в какую-нибудь передрагу и теперь хотите понять, как он это воспримет? – довольно сурово спросила Джо.

– Ох, Джо, неужели вы могли подумать, что я способен, глядя в глаза вашей матушке, заявить: «Все в порядке», если это не так? – И, приняв обиженный вид, Лори резко остановился.

– Нет, не думаю.

– Тогда не стоит меня в чем-то подозревать. Мне просто понадобились деньги, – объяснил он, снова двинувшись вперед, вполне успокоенный ее сердечным тоном.

– Вы очень много тратите, Тедди.

– Я-то, с позволения сказать, их вовсе не трачу, они как-то сами тратятся и исчезают прежде, чем я успеваю это заметить.

– Вы так щедры и добросердечны, что никому не можете сказать «нет» и позволяете всем и каждому брать у вас деньги взаймы. Мы все слышали про Хеншоу и про то, что вы для него сделали. Если бы вы всегда тратили деньги таким образом, никто вас не осуждал бы, – сочувственно заметила Джо.

– Да он просто делает из мухи слона. Вы бы и сами не захотели, чтобы я позволил этому замечательному парнишке заморить себя до смерти работой из-за того, что ему просто некому помочь, не так ли? А ведь он стоит дюжины таких лодырей, как многие из нас.

– Конечно, вы правы. Только я не вижу пользы в том, что вы завели себе семнадцать жилетов, несчетное количество галстуков и каждый приезд домой появляетесь в новой шляпе. Я-то думала, вы уже пережили свой период щегольства, но оно время от времени прорывается то тут, то там, каждый раз на новом месте. В данный момент модно себя уродовать, добиваться, чтобы голова походила на жесткую щетку для пола, пиджаки носить прямые, перчатки – оранжевые, а ботинки неуклюжие и с квадратными носами. Если бы это было дешевое уродство, я ни слова бы не сказала, но оно ведь стоит столько же, сколько и все другое, и мне это вовсе не доставляет удовольствия.

В ответ на эту атаку Лори рассмеялся от всей души, закинув назад голову так, что у него свалилась шляпа, и Джо прошагала прямо по ней. Это оскорбление дало ему возможность все то время, что он складывал и заталкивал в карман злополучную шляпу, распространяться о достоинствах готовой, пусть и грубо сделанной одежды.

– Будьте хорошей девочкой, не читайте мне больше лекций! – попросил он затем. – Мне их на неделю и так хватает, а когда я приезжаю домой, мне хочется просто наслаждаться. Завтра я оденусь так, чтобы доставить удовольствие моим друзьям, чего бы это мне ни стоило.

– Я оставляю вас в покое, если вы снова отрастите волосы. Я вовсе не аристократка, но у меня нет желания показываться людям на глаза в компании человека, похожего на начинающего боксера, – строго проговорила Джо.

– Сей непритязательный стиль способствует изучению наук, вот почему мы приняли его на вооружение, – отвечивал Лори, которого, конечно же, нельзя было бы упрекнуть в тщеславии, поскольку он добровольно принес свои прекрасные выющиеся волосы в жертву моде, требовавшей вместо них стерни в четверть дюйма высотой. – Между прочим, Джо, мне кажется, маленький Паркер на самом деле отчаянно влюблен в Эми. Он непрестанно говорит о ней, пишет стихи и бродит всюду, как во сне, с самым подозрительным видом. Лучше бы ему пресечь свою детскую страсть в зародыше, правда? – после минутного молчания доверительно, тоном старшего брата заговорил Лори.

– Конечно правда. Мы вовсе не хотим новых свадеб в нашем семействе в ближайшие годы. Милосердные Небеса, о чем только эти детишки думают?! – Джо выглядела такой скандализованной, словно Эми и маленький Паркер еще не достигли подросткового возраста.

– Наш век быстр и легкомыслен, мэм, я и сам не пойму, куда мы катимся. Вы всего лишь дитя малое, но вы следующая на выданье, Джо, а нам останутся горькие сожаления, – произнес Лори, покачивая головой по поводу нравственного оскудения упомянутых времен.

– Вам незачем тревожиться. Я – не из тех, кто нравится. Никто на меня не позарится, и хвала Небесам, потому что в семье обязательно должна быть одна старая девушка.

– Вы никому не оставляете ни одного шанса, – заметил Лори, искоса взглянув на Джо, и лицо его чуть заметно покраснело под загаром. – Вы не хотите выказывать нежные стороны вашей натуры, а если человек случайно их углядит и не сможет скрыть, что они ему нравятся,

вы обращаетесь с ним, как миссис Гаммидж* обращалась с любившим ее человеком: обливаете его холодной водой и выпускаете такие шипы, что никто не решится не то чтобы вас тронуть, но даже на вас взглянуть.

– Мне все это не по душе, у меня слишком много дела, чтобы заниматься всякой ерундой, и я считаю, что это ужасно, когда вот так разрушается семья. А теперь – больше ни слова об этом. Свадьба Мег нам всем головы вскружила, мы ни о чем другом не говорим, все только о влюбленных и прочих глупостях. Я не хочу сердиться, Тедди, так что давайте сменим тему.

Казалось, Джо была уже вполне готова плеснуть в человека холодной водой при малейшей провокации.

Какими бы ни были чувства Лори, он нашел для них выход, издав долгий негромкий свист и произнеся ужасающее предсказание, когда они расставались у калитки:

– Запомните мои слова, Джо: вы – следующая!

Глава вторая

Первая свадьба

В то утро июньские розы, увивавшие крыльцо, пробудились во всей своей красе очень рано, всем сердцем радуясь сиянию солнца в безоблачном небе, словно маленькие друзья-соседи семейства Марч, какими они и были на самом деле. Их личики разрумянились от волнения, а сами они покачивались под ветерком, перешептываясь друг с другом о том, что они видят, ибо одни из них заглядывали в окна столовой, где был накрыт пиршественный стол, другие взобрались повыше – кивнуть и улыбнуться сестрам, наряжавшим невесту, третьи приветственно махали входившим и выходившим – кто в сад, кто на крыльцо или в прихожую – по разным поручениям, и все розы, от самого яркого, полностью раскрывшегося цветка до самого бледного, только народившегося бутона, несли дань красоты и благоухания своей хозяйке, что так любила их и так долго о них заботилась.

Мег и сама походила на розу: все, что было самого лучшего, доброго и милого в ее душе, казалось, расцвело теперь на ее лице, сделало его особенно прелестным и нежным, наполнив тем очарованием, что прекрасней самой красоты. Для своего подвенечного наряда Мег не пожелала ни шелка, ни кружев, ни флердоранжа.

– Моя свадьба не будет модной: я хочу, чтобы вокруг меня были только те, кого люблю, а для них мне хочется и выглядеть, и оставаться самой собой – такой, какой они меня знают.

Так что она сама сшила себе подвенечное платье, вложив в него все нежные надежды и наивную романтику девичьего сердца. Сестры заплели и высоко уложили ее прелестные волосы, и единственным украшением ее наряда были ландыши, которые ее Джон любил больше всех живых цветов.

– Ты и правда выглядишь совсем как наша родная и любимая Мег, только еще милее и прелестнее! Я бы бросилась тебя обнимать, если бы не боялась измять твоё платье! – вскричала Эми, с восторгом оглядев сестру после того, как все было сделано.

– Это меня радует. Только, пожалуйста, вы все обнимайте меня и целуйте, не думая о моем платье. Я хочу, чтобы сегодня оно сильно помялось именно по этой причине. – И Мег раскрыла свои объятия сестрам, которые, с просветлевшими лицами, тесно обступили ее, ибо на минуту их охватило ощущение, что новая любовь ничуть не изменила старую. – Теперь я пойду помогу Джону повязать галстук, а потом побуду несколько минут с папой в тишине его кабинета. – И Мег побежала вниз – исполнить эти церемонии, чтобы затем присоединиться к маменьке, куда бы та ни направлялась, ведь дочь сознавала, что, несмотря на не сходящую с лица матери улыбку, в материнском сердце таилось невысказанное горе: из гнезда улетал первый птенец.

Пока младшие девицы Марч остаются в комнате вместе, внося последние штрихи в свои незамысловатые туалеты, мне стоит, пожалуй, использовать это время, чтобы рассказать о некоторых изменениях, совершенных протекшими тремя годами в их внешности, тем более что как раз сейчас все они выглядят наилучшим образом.

Угловатость Джо сильно смягчилась, она научилась держаться и двигаться, если не с изяществом, то легко и свободно. Короткие курчавинки отросли и превратились в густые локоны, гораздо более подходящие к не очень крупной голове, венчающей статную фигуру девушки. На загорелых щеках играет свежий румянец, глаза сияют мягким светом, а с острого язычка сегодня слетают только нежные слова.

Бет стала стройной, бледной и еще более тихой, чем всегда. Ее прекрасные добрые глаза стали еще больше, и в них затаилось выражение, вызывающее у вас печаль, хотя само по себе

оно не печально, это – тень страдания, окрасившего юное лицо такой трогательной бледностью, однако Бет редко жалуется и всегда утверждает, что скоро будет чувствовать себя лучше.

Эми вполне справедливо считается «красой семьи»: в свои шестнадцать лет она обрела манеру держаться, свойственную взрослой женщине. Она не стала красивой, но обладает тем неопишным очарованием, какое зовется изяществом. Оно видится в линиях ее фигуры, в форме и движениях рук, в том, как ложатся складки ее платья, как ниспадают ее волосы; изящество ее неосознанно, но гармонично и привлекает многих не меньше, чем сама красота. Нос Эми по-прежнему ее огорчает, потому что он так и не стал греческим, да и рот тоже слишком широк, а подбородок слишком решителен. Эти неприятные черты придают лицу Эми характер, но сама она никак не может этого понять и утешает себя тем, что у нее чудесный цвет лица, умные голубые глаза, а кудри более густые и золотистые, чем когда-либо прежде.

Вся троица сейчас одета в костюмы из легкого серебристо-серого материала (в их лучшие летние наряды), с красными розами в волосах и на груди, и все трое выглядят именно такими, какие они и есть, – юными, свежими и радующимися от всего сердца, прервавшими на миг свои каждодневные заботы, чтобы мечтательным взором прочесть сладчайшую главу в романе о женской судьбе.

Никаких особых свадебных церемоний не намечалось, все должно было идти естественно и по-домашнему, насколько это было возможно, так что, когда прибыла тетушка Марч, она оказалась совершенно скандализována тем, что сама невеста прибежала ее приветствовать и ввести в дом, жених прикреплял на место неожиданно свалившуюся гирлянду, а отец невесты – он же священник – шагал вверх по лестнице с весьма серьезным выражением лица, неся под мышками по бутылке вина.

– Ну и положение вещей тут у вас, честное мое слово! – воскликнула старая дама, усаживаясь на приготовленное для нее почетное место и с величайшим шуршанием оправляя складки своего муарового платья цвета лаванды. – Ты же не должна показываться до последней минуты, девочка!

– Но я же не картина, тетечка, и те, кто придет, явятся не для того, чтобы меня рассматривать, критиковать мой наряд или подсчитывать стоимость моего угощения. Я слишком счастлива, чтобы заботиться о том, кто что скажет или подумает, и я хочу, чтобы моя маленькая свадьба была такой, как мне нравится... Джон, дорогой, вот твой молоток! – И Мег умчалась прочь – помогать «этому человеку» в его совершенно не приличествующем жениху занятии.

Мистер Брук даже спасибо ей не сказал, но, наклонившись за своим отнюдь не романтическим инструментом, поцеловал невесту за открытой раздвижной дверью и так поглядел на нее, что тетушка Марч вынуждена была поспешно вытащить из кармана платочек из-за неожиданных росинок, выступивших на ее пронизательных старческих глазах.

Грохот, вскрик, смех Лори, сопровождаемый его неблагопристойным восклицанием: «Юпитер-Амон! Джо опять опрокинула торт!»* – вызвали минутное смятение, едва затихшее, когда появилась стайка кузенов и кузин и «вся вечеринка пришла», как, бывало, говорила малышка Бет.

– Не разрешай этому юному гиганту слишком ко мне приближаться, он досаждал мне сильнее, чем полчища комаров! – прошептала тетушка Марч на ушко Эми, когда комнаты заполнились гостями, над которыми возвышалась черноволосая голова Лори.

– Он обещал сегодня хорошо себя вести, тетечка, и умеет быть беспредельно элегантным, когда сам этого хочет, – отвечала Эми, плавно ускользая прочь, чтобы предостеречь Геркулеса от встречи с драконом; это побудило его следовать за старой дамой повсюду с таким усердием, что чуть было не довело ее до умопомрачения.

Церемонии «выход невесты» не было, но в комнате вдруг воцарилась тишина, когда мистер Марч и молодая пара заняли свои места под аркой из зеленых гирлянд. Мать невесты и сестры встали перед ними очень близко, словно не желая отдавать Мег в чужие руки. Голос

отца прерывался не один раз во время венчания, однако казалось, что это делает всю службу еще более прекрасной и торжественной. Рука жениха явственно дрожала, а его ответов священнику никто не мог расслышать. Но Мег глядела прямо в глаза своему мужу и произнесла «да» с таким нежным доверием в выражении лица и в голосе, что ее маменька возрадовалась всей душой, а тетушка Марч всхлипнула во всеуслышание.

Джо не плакала, хотя в какой-то момент была очень близка к этому; спасло ее сознание, что на нее пристально смотрит Лори, а веселая насмешка и сочувствие довольно комично смешались в его ехидных черных глазах.

Бет уткнулась лицом в мамино плечо, но Эми стояла недвижно, грациозная, словно статуэтка, а солнечный луч очень кстати касался ее белого лба и красной розы в волосах.

Боюсь, все шло не так, как положено, ведь в ту же минуту, как Мег оказалась обвенчана, она воскликнула: «Первый поцелуй – маменьке!» – и, повернувшись, от всего сердца расцеловала мать. В следующие пятнадцать минут она стала еще более похожа на розу, чем когда-либо прежде, так как каждый из присутствующих стремился сполна воспользоваться выпавшей ему на долю привилегией, от мистера Лоренса до старой Ханны, которая в устрашающе великолепном, замечательно сделанном головном уборе налетела на нее в прихожей, восклицая промеж рыданий и смеха:

– Благослови тебя Бог, миленькая, тыщу раз благослови! Торт в целости да в сохранности, и все выглядит – просто прелесть.

После этого все снова пришли в себя, и каждый сказал что-то яркое или хотя бы попытался сказать, что тоже встречали нисколько не хуже, потому что, когда на душе легко, смех всегда наготове. Выставки подарков не устраивали – ведь они уже находились в маленьком доме молодых – и не устраивали роскошного завтрака, но было подано обильное угощение – торт и фрукты, украшенные цветами. Мистер Лоренс и тетушка Марч пожали плечами и улыбнулись друг другу, обнаружив, что только вода, лимонад и кофе были призваны служить нектаром, который разносили гостям три Гебы*. Никто не сказал ни слова, пока Лори, являвшийся на том, чтобы именно он обслуживал молодую, не появился перед нею с подносом для писем в руке и с совершенно озадаченным выражением лица.

– Неужели Джо могла случайно переколотить все бутылки? – прошептал он. – Или я тяжко заблуждаюсь в том, что сегодня утром заметил несколько полных бутылок, лежавших на виду?

– Вовсе нет. Ваш дедушка любезно предложил нам несколько из его самых лучших, а тетушка Марч просто взяла и прислала несколько бутылок, но папа отложил некоторые для Бет, а остальные отправил в приют для раненых. Он, знаете ли, полагает, что вино следует использовать только в случае болезни, и мама говорит, что ни она, ни ее дочери никогда не предложат вина ни одному мужчине в стенах ее дома.

Мег говорила вполне серьезно и ожидала, что Лори нахмурится или рассмеется в ответ, однако он не сделал ни того ни другого. Бросив на нее быстрый взгляд, он сказал со свойственной ему импульсивностью:

– А мне это даже нравится. Ведь я достаточно насмотрелся на вред, который приносит вино, и мне самому хотелось бы, чтобы и другие женщины думали так же, как вы.

– Надеюсь, такая мудрость – не результат собственного опыта? – В тоне Мег прозвучала нотка беспокойства.

– Нет, даю вам честное слово. Я рос в стране, где вино – столь же обычное питье, как вода, где оно почти столь же безвредно. Однако сам я вина не люблю, но, видите ли, когда тебе его предлагает милая девушка, отказываться не очень-то приятно.

– Но вы ведь откажетесь? Если не ради себя, то ради других? Послушайте, Лори, обещайте и подарите мне еще один повод считать этот день самым счастливым в моей жизни.

Столь неожиданное и столь серьезное требование заставило молодого человека на минуту заколебаться, ибо часто бывает так, что насмешки вынести гораздо труднее, чем самоотречение. Мег понимала, что, если Лори даст такое обещание, он выполнит его, чего бы это ему ни стоило, и, сознавая свою власть над ним, воспользовалась ею, как истая женщина, во благо своего друга. Она ничего больше ему не сказала, только смотрела на него, подняв к нему лицо, сделавшееся красноречивым от счастья, с улыбкой, говорившей: «Сегодня мне никто ни в чем не может отказать!»

Лори, конечно же, не мог и, улыбнувшись в ответ, протянул ей руку со словами:

– Обещаю, миссис Брук.

– Спасибо, Лори! Большое, большое спасибо.

– А я пью за ваше решение, Тедди! Многая ему лета! – вскричала Джо, в знак крещения окропив приятеля лимонадом: она как раз в этот миг взмахнула своим бокалом, одобрительно глядя на юного джентльмена сияющими глазами.

Итак, тост прозвучал, напитки за него были выпиты, зарок дан и отныне исполнялся неуклонно, несмотря на бесчисленные искушения, ибо интуитивная мудрость четырех сестер помогла им улучшить счастливый момент, чтобы оказать другу услугу, за которую тот оставался благодарен им всю жизнь.

Покончив с угощением, все разбрелись по двое, по трое по дому и саду, наслаждаясь ярким солнцем, сиявшим и снаружи, и внутри. Случилось так, что Мег и Джон как раз стояли вдвоем посреди зеленой лужайки, когда Лори был охвачен вдохновением, нанесшим последний штрих, завершивший эту немодную свадьбу.

– Пусть все женатики возьмутся за руки и попляшут хороводом вокруг молодоженов, как это делается у немцев, а мы – холостяки и незамужние девицы – попрыгаем парами вокруг всех них! – бросил клич Лори, прогуливавшийся с Эми по дорожке, и они показали пример с таким воодушевлением и изяществом, что все немедленно и беспрекословно ему последовали. Миссис и мистер Марч, тетушка и дядюшка Кэррол оказались первыми, к ним быстро присоединились остальные, даже Сэлли Моффат, мгновение поколебавшись, перебросила свой шлейф через руку и поспешно втянула Неда в круг. Но коронным номером оказались мистер Лоренс и тетушка Марч, потому что, когда величавый старый джентльмен чинно направился пригласить старую даму, она тут же сунула свою трость под мышку и торопливо заковыляла впереди него, чтобы присоединиться к остальным танцующим вокруг молодоженов, а неженатая молодежь в это время порхала по всему саду, словно бабочки в яркий летний день.

Танцоров стало подводить дыхание, и импровизированный бал закончился и гости начали расходиться.

– Я желаю тебе счастья, моя милая, от всего сердца желаю тебе счастья, но боюсь, что ты об этом еще пожалеешь, – сказала тетушка Марч, прощаясь с Мег; потом, когда новоиспеченный супруг вел тетушку к экипажу, она продолжила: – Вам досталось сокровище, молодой человек, смотрите, чтобы вы его заслуживали!

– Это самая симпатичная свадьба из всех, на каких я побывала за это время, Нед, хотя я не пойму почему – ведь в ней не было ни капельки стиля! – заметила миссис Моффат своему мужу, когда карета увозила их прочь.

– Лори, мой мальчик, если ты когда-нибудь захочешь доставить себе такое же удовольствие, возьми одну из этих девочек, и я буду вполне удовлетворен твоим выбором, – проговорил мистер Лоренс, усаживаясь в глубокое кресло – отдохнуть от волнений этого утра.

– Я сделаю все возможное, чтобы угодить вам, сэр! – последовал необычайно почтительный ответ внука, в этот момент осторожно откалывавшего букетик, вдетый Джо в его петлицу.

«Давкот» находился недалеко, так что единственное свадебное путешествие Мег было недолгим и спокойным: они с Джоном просто прошли из старого дома в новый.

Когда Мег спустилась в прихожую из своей прежней комнаты в костюме голубинового цвета и в соломенной шляпке с белой лентой, похожая на миловидную юную квакершу, все семейство так трогательно собралось, чтобы попрощаться с ней, словно она отправлялась в грандиозное турне.

– Пусть у вас не возникнет чувства, что я рассталась с вами, маменька, дорогая моя, или что моя любовь ко всем вам стала хоть на чуточку меньше оттого, что я так сильно люблю Джона, – сказала Мег, на миг прижавшись к матери с глазами, полными слез. – Я стану приходить каждый день, папа, и надеюсь, что мое местечко в ваших сердцах сохранится, несмотря на то что я теперь замужем. Бет собирается довольно долго побыть со мной, а другие девочки время от времени станут забегать, чтобы посмеяться над тем, с какими приключениями я веду хозяйство. Спасибо вам всем за замечательную свадьбу, какую вы мне устроили. До свидания, всего вам хорошего!

Оставшиеся стояли, глядя, как Мег уходит, и лица их светились любовью, и надеждой, и гордой нежностью, а Мег с охапкой цветов в руках шла, опираясь на руку мужа, и сияние июньского солнца озаряло ее счастливое лицо, делая его еще более радостным... вот так и началась замужняя жизнь Мег.

Глава третья

Попытки найти себя в Искусстве

Довольно долгое время должно пройти, прежде чем человек научится видеть разницу между талантом и гениальностью, особенно если речь идет о юном и честолюбивом человеке, будь то мужчина или женщина. Эми училась видеть эту разницу путем тяжких огорчений, ибо, ошибочно принимая энтузиазм за вдохновение, она бралась за любой вид изобразительного искусства с по-юношески дерзкой отвагой. Довольно значительное время длилось затишье в ее занятиях «пирожками из глины», и она посвящала свои усилия тончайшему рисунку пером и тушью, в чем проявила такой вкус и мастерство, что ее изящные поделки оказались не только приятными, но и выгодными. Однако перенапряжение глаз заставило Эми отложить перо и тушь ради смелых попыток заняться выжиганием по дереву. Пока длился этот приступ, семья жила в вечном страхе, ожидая всепожирающего пожара, ибо сильный запах жженого дерева пронизывал весь дом в любые часы дня и ночи, дым поднимался с чердака и из кладовой для инструментов с частотой, вызывавшей тревогу, раскаленные докрасна покеры* беспорядочно валялись где попало, и Ханна никогда не ложилась спать без полного ведра воды и обеденного гонга, водруженных у двери ее комнаты – на случай пожара.

Вскоре на нижней стороне доски для разделки теста появилось четко изображенное лицо Рафаэля, а на верхней части пивного бочонка – Вакх. Поющий херувим украсил крышку сахарницы, а попытки создать портреты Ромео и Джульетты некоторое время пополняли запасы щепы для растопки.

От огня к маслу – переход, совершенно естественный для обожженных пальцев, и Эми углубилась в живопись с ничуть не меньшим пылом. Приятель-художник снабдил ее собственными, готовыми на выброс палитрами, кистями и красками, и она принялась малевать без остановки пасторальные и морские пейзажи, каких никто никогда не видал ни на суше, ни на море. Ее чудовищные изображения домашнего скота могли бы брать призы на всех сельскохозяйственных ярмарках, а гибельная качка ее судов была бы способна вызвать морскую болезнь у самого искушенного в мореходстве зрителя, если бы только абсолютное небрежение всеми известными правилами судостроения и оснащения кораблей не заставило его корчиться от смеха при первом же взгляде на картину. Смуглые мальчики и темноглазые Мадонны, пристально глядевшие из одного угла студии, приводили на память Мурильо; маслянисто-коричневые тени лиц с бледной полосой отблеска не там, где требовалось, подразумевали Рембрандта; пышные дамы и одутловатые, словно от водянки, младенцы – Рубенса, тогда как Тернер явился в яростных взрывах синих бурь, в оранжевых молниях, коричневом дожде и пурпурных облаках с томатного цвета мазком посреди них, что могло означать солнце, или буюк, или рубашку матроса, или мантию короля – как заблагорассудится зрителю.

Далее последовали портреты углем, и все семейство повисло рядом на стене с таким испуганным и болезненным видом, словно всех их только что вытащили из угольного лабя. Снизойдя до этюдов мелками, Эми добилась большего успеха, то есть большего сходства, и ее волосы, нос Джо, рот Мег и глаза Лори были провозглашены «исключительно чудесными».

Затем произошло возвращение к глине и гипсу, и похожие на привидения гипсовые слепки ее друзей и знакомых не только заполнили углы дома, но принялись падать с чуланых полок на головы его обитателей. В дом стали заманиваться дети, служившие моделями, и их невнятные рассказы о загадочных занятиях мисс Эми создали ей в округе репутацию чуть ли не юной людоедки. Однако этим ее усилиям неожиданно был положен конец в результате неблагоприятного происшествия, загасившего ее энтузиазм. Поскольку другие модели какое-то время не появлялись, она решила сделать слепок собственной прелестной ножки, и в один

прекрасный день все семейство было взбудоражено невероятным грохотом и криками и, бросившись вызволять жертву из беды, они обнаружили юную энтузиастку, дико скачущую по кладовой для инструментов с одной ногой, прочно застрявшей в кастрюле с гипсом, неожиданно слишком быстро затвердевшим. Жертва была откопана с большими трудностями и даже с некоторой опасностью, так как Джо одолевал такой хохот, пока она вела раскопки, что ее нож проник слишком глубоко, поранив злосчастную ступню, и на довольно долгое время оставил Эми памятный знак о по крайней мере одной из ее попыток найти себя в Искусстве.

После этого Эми утихомирилась, пока ею не овладела мания создавать эскизы с натуры, что побудило ее то и дело выходить на реку, в поле и в лес, чтобы заниматься живописью на природе, вздыхая о том, что нет поблизости развалин, которые она могла бы воспроизвести на бумаге. Она то и дело подхватывала простуду, сидя на сырой траве, чтобы занести в альбом «этот вкуснейший кусочек», состоящий из камня, пня, одинокого гриба и надломленного стебля коровяка* или из «божественного нагромождения облаков», похожих на выставленные в витрине дорогие и прекрасно взбитые пуховые перины. Эми даже жертвовала своим цветом лица, плавая по реке под ярким летним солнцем, чтобы изучать светотень, и обрела морщинку меж бровей, пытаясь найти «точки обсервации»*, или как там они называются, эти дела, когда сначала глаза прищуривают, а потом широко раскрывают?

Если гениальность есть «бесконечное терпение», как утверждает Микеланджело, то Эми имела некоторое право претендовать на эту божественную черту, ибо не оставляла своих попыток, несмотря на множество препятствий, неудач и разочарований, твердо веря, что со временем она сумеет создать нечто, достойное именоваться «высоким искусством».

Она училась, занималась своим делом, однако успевала получать и другие удовольствия, так как решила быть привлекательной и образованной женщиной, даже если ей не удастся стать великим художником. В этом Эми обрела значительно больший успех, ибо она была одной из тех счастливо созданных особ, что умеют очаровывать без усилий, повсюду заводят друзей и принимают жизнь с такой легкостью и изяществом, что особы менее счастливые поддаются искушению поверить в счастливую звезду, под которой родились те, другие. Эми нравилась всем, потому что, среди других достоинств, была одарена чувством такта. Она интуитивно чувствовала, что могло быть подходящим и приятным, всегда говорила то, что следовало сказать в данном случае данному человеку, делала именно то, что требовалось в данное время, и в любых ситуациях умела владеть собою так, что ее сестры говорили: «Если бы Эми пришлось явиться в суд без всякой подготовки, она и тогда точно знала бы, что надо делать».

Одной из слабостей Эми была ее мечта «вращаться в лучшем обществе», хотя она не вполне ясно представляла себе, что это такое. Деньги, высокое общественное положение, модные знания и умения и, конечно, элегантные манеры имели в ее глазах огромную ценность, и она стремилась встречаться именно с теми людьми, кто обладал такими достоинствами; при этом она часто ошибалась, принимая ложное за истинное и восхищаясь тем, что вовсе не было ее восхищения достойно. Никогда не забывая о том, что она хорошего происхождения, Эми старалась развить в себе аристократические чувства и вкусы, чтобы, если возникнет возможность, она могла быть готова занять подобающее место, которого теперь из-за бедности оказалась лишена.

«Миледи», как прозвали ее подруги, искренне желала быть настоящей леди, а в душе такую и была, но ей предстояло еще понять, что деньгами утонченной натуры не купишь, что высокий ранг не всегда придает благородство и что истинная воспитанность всегда проявляется вопреки внешним недостаткам.

Однажды, войдя в гостиную с очень серьезным видом, Эми произнесла:

– Хочу попросить вас об одолжении, мама.

– Да, девочка моя, о каком? – отвечала ее мама, в глазах которой эта стройная юная леди по-прежнему оставалась ее «малышкой».

– Занятия моего художественного класса на следующей неделе заканчиваются, и перед тем, как девочки разъедутся на лето, я хочу пригласить их сюда, к нам, на целый день. Им ужасно хочется посмотреть на нашу реку, сделать наброски сломанного моста и срисовать кое-какие вещицы, которые им очень понравились в моем альбоме. Они всячески проявляли свое доброе отношение ко мне, и я им благодарна за это, ведь они все богаты, а я понимаю, что я-то бедна, но никто из них никогда не дал мне почувствовать эту разницу.

– С какой стати они стали бы так делать? – Миссис Марч задала свой вопрос с тем видом, какой ее дочери называли «вид Марии-Терезии»*.

– Вы не хуже меня знаете, что очень многие, почти все, именно так и делают, поэтому не надо топорщить перышки, словно наша любимая курочка-наседка, когда ее цыпляток клюют птички понаряднее. Вы же помните, маменька, что гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя! – И Эми улыбнулась без всякой горечи, ведь у нее был счастливый характер, известная сила духа и сердце, полное надежд.

Миссис Марч рассмеялась и пригладила встопорщившуюся материнскую гордость, спросив:

– Так что у тебя за планы, мой прекрасный лебедь?

– Мне хотелось бы пригласить девочек на ланч на следующей неделе, взять их проехаться в коляске по тем местам, которые они желают увидеть, и устроить небольшой художнический праздник на открытом воздухе.

– Это представляется мне вполне выполнимым. Что бы ты хотела для ланча? Торт, сэндвичи, фрукты и кофе – это, пожалуй, все, что будет необходимо?

– О нет, нет! У нас должны быть холодный язык и холодный цыпленок, французский шоколад и, кроме того, мороженое. Девочки к этому привыкли, и я хочу, чтобы мой ланч был элегантным и таким, как полагается, хоть я и зарабатываю себе на жизнь самостоятельно.

– И сколько же таких юных леди в твоём классе? – спросила миссис Марч. Вид у нее при этом сделался довольно озабоченным.

– В нашем классе их двенадцать, а то и четырнадцать, но, полагаю, они явятся не все.

– Святые Небеса! Да тебе понадобится нанять целый омнибус, чтобы их на прогулку вывезти!

– Ну что вы, мама! Как вам в голову могло прийти такое? Их, скорее всего, будет шесть или восемь, так что я найму открытую коляску и одолжу у мистера Лоренса шар-банан (так Ханна называла шарабан)*.

– Все это дорого обойдется, Эми.

– Не очень. Я уже все подсчитала. И я сама за все заплачу.

– А ты не думаешь, моя милая, что, раз уж эти девочки привыкли к таким вещам, а самое лучшее из того, что мы сможем им предложить, не составит для них ничего нового, более простой план оказался бы им приятнее, да и нам был бы удобнее, чем покупать и одалживать то, что нам самим вовсе не нужно, и пытаться поддерживать стиль, вовсе не соответствующий нашим обстоятельствам?

– Если мне нельзя будет устроить все это так, как мне нравится, я вообще не хочу ничего устраивать. Я знаю, что смогу выполнить все намеченное самым лучшим образом, если вы вместе с моими сестричками согласитесь мне немного помочь, и я не понимаю, почему это нельзя, если я готова заплатить за все сама? – отвечала Эми с решимостью, которую противление неминуемо превратило бы в неумное упрямство.

Миссис Марч знала, что опыт – прекрасный учитель, и, когда это было возможно, оставляла дочерей самостоятельно получать уроки, которые сама была бы рада им облегчить, если бы девочки не отказывались получать советы столь же часто, как соли и сенну.

– Очень хорошо, Эми. Если ты твердо решила это сделать и видишь, как обойтись без слишком большой затраты денег, времени и нервов, я больше ничего не стану говорить. Обсуди все это с сестрами, и, что бы вы ни решили делать, я всячески постараюсь вам помочь.

– Спасибо, мама, вы всегда к нам так добры! – И Эми удалилась, чтобы предложить свой план на обсуждение сестрам.

Мег согласилась сразу и обещала Эми свою помощь, радостно предлагая поделиться всем, что имела, от собственного маленького дома до своих самых лучших ложек для соли. А вот Джо поначалу нахмурила брови, осуждая сам проект в целом, и заявила, что не желает иметь со всем этим никакого дела.

– С какой это стати тебе вдруг понадобилось тратить свои сбережения, беспокоить всю семью и весь дом переворачивать вверх дном ради компании девиц, которые ни на грош тебя не ценят? Мне казалось, что ты слишком горда и разумна, чтобы раболепствовать перед обыкновенной смертной женщиной только из-за того, что она носит французские ботиночки и разъезжает в роскошной карете, – высказалась она. (Джо только что оторвали от трагической кульминации ее романа, и она была в настроении, вовсе не подходящем для забав суетного света.)

– Я вовсе не раболепствую, и я нисколько не меньше тебя не терплю, когда ко мне относятся свысока, – возмутилась Эми, ведь эти двое по-прежнему перебранивались, когда возникали подобные вопросы. – Девочки меня ценят, а я тоже их ценю, и все они отличаются большой добротой, разумностью и талантом, невзирая на то что ты называешь «модной ерундой». Ты не заботишься о том, чтобы понравиться людям, не стараешься войти в хорошее общество, улучшать свои манеры и вкусы, а я стараюсь и намерена использовать до предела любую представившуюся мне возможность. А ты, если тебе так нравится, можешь шагать по свету, выставив наружу оба локтя да задрав нос повыше, и называть это независимостью. Только это не мой путь.

Дав волю языку и высказав все, что у нее было на уме, Эми обычно оказывалась в выигрыше, ибо она почти никогда не теряла здравого смысла, тогда как Джо в своей любви к свободе и ненависти к условностям заходила так беспредельно далеко, что – естественно – оказывалась разбитой в споре в пух и прах. Толкование, данное Эми представлению Джо о независимости, так великолепно попало в точку, что обе они рассмеялись, и обсуждение обрело более дружеский тон. Хотя и против собственной воли, Джо в конце концов согласилась пожертвовать один день в пользу миссис Гранди* и помочь сестре справиться с тем, что сама она считала «нелепой затеей».

Приглашения были разосланы и почти всеми приняты, так что понедельник следующей недели был выделен для намеченного грандиозного события. Ханна пришла в дурное расположение духа, потому что распорядок ее еженедельной работы был нарушен, и предсказывала, что «коли стирка да глажка не лигулярно делаютца, дак вабче ничего и нигде по-хорошему не выходит». Сбой в работе домашней машины дурно сказывался на всем предприятии в целом, однако всегдашним лозунгом Эми было «Nil desperandum!»², и, раз приняв решение о том, что надо делать, она продолжала делать это, несмотря на все препятствия.

Начать с того, что не очень хорошо вышли приготовленные Ханной блюда. Цыпленок получился жестким, язык был пересолен, а шоколад не желал взбиваться как следует. Затем выяснилось, что торт и мороженое обошлись дороже, чем предполагала Эми, как, впрочем, и коляска, да и разные другие затраты, поначалу представлявшиеся пустячными, подсчитанные под конец, выглядели весьма внушительно. Бет простыла и слегла в постель; Мег была вынуждена сидеть дома из-за необычайного наплыва визитеров, а Джо настолько разошлась сама с собой во мнениях, что частота и серьезность совершаемых ею поломок и оплошностей, как и прочих неприятных случайностей, не могли не вызывать раздражения.

² Не отчаиваться! (лат.)

Было договорено, что, если в понедельник погода будет дурная, девицы приедут во вторник: это рассердило Ханну и Джо до предела. Утром в понедельник погода была в таком нерешительном настроении, какое выводит из себя сильнее, чем бесконечный проливной дождь. То чуть моросило, то недолго сияло солнце, то поднимался ветерок, и погода никак не могла принять определенное решение, пока не стало поздно и для всех других решить что бы то ни было определено. Эми была на ногах уже на заре и тормошила спящих, торопя их вылезать из постелей и не задерживаться за завтраком, чтобы вовремя привести в порядок дом. Гостиная неожиданно поразила ее своим необычайно потрепанным видом. Однако Эми, ни на миг не задержавшись, чтобы повздыхать о том, чего ей недоставало, искусно использовала то, что имела. Она переставила кресла так, чтобы они закрыли изношенные места на ковре, и спрятала пятна на обоях статуэтками домашнего изготовления, что вкупе с вазами цветов, там и сям расставленными Джо, придало комнате вполне художественную атмосферу.

Накрытый на воздухе ланч выглядел очаровательно, и, обозревая его, Эми надеялась, что одолженный хрусталь, фарфор и серебряные столовые приборы вернутся домой в целости и сохранности. Экипажи были обещаны, Мег и матушка были полностью готовы приветствовать гостей, Бет оказалась в силах помогать Ханне «за кулисами», Джо изо всех сил старалась быть оживленной и дружелюбной, насколько ее рассеянность и головная боль, а также решительное неодобрение всего происходящего и его участников это позволяли. Пока, усталая, она одевалась, Эми подбадривала себя ожиданием тех радостных минут, когда, благополучно завершив ланч, она покатит прочь вместе со своими подругами, чтобы насладиться сугубо художественными удовольствиями, так как сломанный мост и шар-банан являли собою самые сильные стороны ее затеи.

Затем наступили часы напряженного ожидания, в течение которых она, волнуясь, перебежала из гостиной на крыльцо и обратно, а общественное мнение то и дело менялось, вслед за указаниями флюгера. Сильный ливень в одиннадцать часов, по-видимому, загасил энтузиазм тех юных леди, что должны были прибыть к двенадцати, так как ни одна не явилась, и в два часа пополудни истомленное семейство уселось под пылающими лучами солнца поглощать легко портящиеся деликатесы намечавшегося пиршества, чтобы ничто не пропадало впустую.

– Сегодня никаких сомнений по поводу погоды быть не может, так что нам надо сбегать кое за чем, чтобы быть готовыми к приему, – сказала Эми, когда солнце разбудило ее на следующее утро. Она произнесла все это оживленно, однако в тайниках своей души уже жалела, что предложила девицам и вторник, ибо ее интерес к собственной затее, как и ее торт, успел несколько утратить свежесть.

– Мне не удалось купить ни одного омара, так что сегодня тебе придется обойтись без салата, – сказал мистер Марч, вернувшись через час домой с выражением спокойного отчаяния на лице.

– Можно взять для этого цыпленка. В салате его жесткость не будет заметна, – посоветовала ему жена.

– Ханна на минуточку оставила его на кухонном столе, и до него добрались котята, мне очень жаль, Эми, – добавила огорчений Бет, все еще остававшаяся кошачьей патронессой.

– Тогда мне во что бы то ни стало нужен омар, потому что одного холодного языка явно недостаточно! – решительно заявила Эми.

– Может, мне поспешить в город и раздобыть омара? – спросила Джо с великодушием настоящей мученицы.

– Да ты ведь тогда заявишься домой с омаром под мышкой и без всякой обертки, просто ради того, чтобы досадить мне! Я сама поеду, – отвечала Эми, чье терпение уже начинало сдавать.

Окутанная густой вуалью и вооруженная элегантной дорожной корзинкой, она отправилась в город, чувствуя, что поездка по утреннему холодку утихомирит ее взбудораженный дух

и придаст ей силы справиться с трудностями дня. Не так уж быстро, но все же вожаемый объект был приобретен, как и бутылка готового соуса к нему, чтобы не терять больше времени на его приготовление, и Эми отправилась домой, весьма довольная собственной предусмотрительностью.

Поскольку в омнибусе, кроме нее, оказалась лишь одна пассажирка, сонная пожилая дама, Эми решила уложить вуаль в карман и рассеять скуку долгого пути, попытавшись уяснить себе, куда же ушли все ее деньги. Она была настолько поглощена картой своих расходов, испещренной упрямыми цифрами, что не обращала внимания на нового пассажира, вскочившего в омнибус на ходу, до тех пор, пока не услышала, как мужской голос произнес: «Доброе утро, мисс Марч», и, подняв глаза, узрела одного из самых элегантных друзей Лори по колледжу. Всей душой надеясь, что он выйдет раньше ее, Эми совершенно игнорировала корзину, стоявшую у ее ног, и, поздравив себя с тем, что на ней новое дорожное платье, отвечала на приветствие молодого человека весело и с обычной своей обходительностью.

Они разговорились, и их беседа шла великолепно, потому что главная забота Эми очень скоро ее оставила, поскольку стало известно, что юный джентльмен выйдет первым, и она оживленно болтала в какой-то на удивление высокопарной манере, когда пожилая дама, собираясь выходить, пошла к двери; запнувшись, она опрокинула корзину и – о ужас! – омар, такой вульгарно огромный и блестящий, открылся высокородному взору потомка Тюдоров.

– Клянусь Юпитером, она забыла свой обед! – воскликнул ничего не подозревающий юноша, тросточкой заталкивая ярко-красное чудовище обратно в корзину и готовясь вынести ее прочь вслед за пожилой дамой.

– Не надо, прошу вас... он... он мой! – пролепетала Эми, лицо у нее было почти того же цвета, что ее омар.

– Ох, в самом деле? Прошу прощения. Необыкновенно замечательный экземпляр, не правда ли? – произнес Тюдор с великолепным присутствием духа сохраняя вид трезвой заинтересованности, что делало честь его воспитанию.

Эми пришла в себя сразу, едва переведя дыхание; она мужественно поставила корзину на сиденье рядом с собой и, рассмеявшись, спросила:

– А вам не хотелось бы попробовать немножко салата, для которого он предназначен, и поведаться с очаровательными юными леди, которым предстоит его отведать?

Вот что называется такт! Ибо Эми затронула две главные слабости мужской души. Омар немедленно попал в окружение самых приятных реминисценций, а любопытство по поводу «юных леди» отвлекло внимание потомка Тюдоров от комического происшествия.

«Он, разумеется, посмеется и позубоскалит об этом с Лори, но я ведь их не увижу, а это уже утешение!» – подумала Эми, когда Тюдор, раскланявшись, вышел из омнибуса.

Дома Эми ни словом не обмолвилась об этой встрече (хотя обнаружила, что из-за опрокинутой корзинки ее новое платье сильно пострадало от соуса, извилистыми ручейками пробиравшегося вниз по юбке), однако она упорно продолжала подготовку к приему, что теперь казалось ей гораздо менее приятным, чем прежде, и в двенадцать часов все снова было готово. Ощущая, что соседи весьма интересуются ее предприятием, она стремилась сегодняшним грандиозным успехом стереть из их памяти свою вчерашнюю неудачу, так что попросила подать шар-банан к этому времени и величественно отбыла встречать своих гостей, чтобы доставить их на банкет.

– Я слышу шум колес, они едут! Пойду-ка встречу их на крыльце. Это будет выглядеть гостеприимно, а мне хочется, чтобы бедная девочка после всех неприятностей осталась приемом довольна, – проговорила миссис Марч, сопровождая свои слова делом. Однако первый же взгляд с крыльца побудил ее вернуться назад, и выражение ее лица было бы трудно описать, потому что в шар-банане, совершенно потерявшись в большом открытом экипаже, сидела Эми, а с нею – одна юная леди.

– Бежим, Бет! Поможем Ханне убрать половину приборов со стола! Абсурд – предлагать ланч на двенадцать персон единственной гостье, – вскричала Джо, спеша вниз, слишком возбужденная и неспособная задержаться даже затем, чтобы рассмеяться.

И в дом вошла Эми, поразительно спокойная, проявляющая восхитительную сердечность к единственной гостье, выполнившей свое обещание. Остальные члены семейства, весьма приверженные драматическому искусству, прекрасно исполняли свои роли, и мисс Элиотт нашла, что они – исключительная по своей замечательности компания, так как было совершенно невозможно хоть как-то утихомирить веселье, их всех обуявшее. Переделанный ланч был радостно съеден всеми участниками, студия и сад посещены, проблемы искусства с энтузиазмом обсуждены. Эми попросила подать двухместный кабриолет (увы элегантному шарбанану!) и без всякой помпы повозила свою гостью по округе до захода солнца, когда «вечеринка ушла».

К тому моменту, как Эми, уже пешком, вернулась домой, очень уставшая, но, как всегда, совершенно спокойная, малейшие следы незадавшегося пира успели исчезнуть, кроме подозрительной складочки, наметившейся у Джо в уголках рта.

– Какой подходящий денек выдался сегодня для вашей поездки, моя дорогая, – уважительно промолвила миссис Марч, словно в гостях у дочери побывали все двенадцать девиц.

– Мисс Элиотт очень милая девушка, и, по-моему, ей у нас понравилось, так мне показалось, – с необычайной теплотой заметила Бет.

– А ты не могла бы уделить мне немножко от твоего торта? Ко мне столько народу приходит, торт мне и правда очень нужен, я не умею делать такие вкусные вещи, какие получаются у тебя, – серьезно сказала Мег.

– Да возьми его весь, у нас только одна я – сластена, и он тут просто заплесневеет, пока я с ним расправлюсь, – отвечала Эми, со вздохом подумав о том, сколько всего было щедро вложено в эти «вкусные вещи» ради такого результата.

– Как жаль, что Лори нет с нами, чтобы нам помочь, – начала было Джо, когда они сели за стол, чтобы второй раз за два дня съесть салат и мороженое.

Предостерегающий взгляд матери остановил дальнейшие замечания, и семейство продолжало есть в героическом молчании, пока мистер Марч довольно нерешительно не проговорил:

– Салат был одним из любимейших блюд у древних, и Эвелин...

На этом месте взрыв дружного, неудержимого хохота прервал краткую «историю салатов», к великому изумлению ученого джентльмена.

– Да уложите все это в корзину и отнесите Хаммелям! Немцам нравится такая мешанина! А меня уже от одного взгляда на это тошнит, и я не вижу причин для того, чтобы вам всем приходилось умирать от переедания из-за моей дурости, – воскликнула Эми, отирая слезы, выступившие от смеха у нее на глазах.

– А я думала, что помру, когда увидела только вас двоих, с грохотом трясущихся по дороге в этом, как его там, словно два крохотных ядрышка в огромной ореховой скорлупе, и маменьку, величественно стоящую на крыльце, чтобы встретить эту толпу девиц! – вздохнула Джо, совершенно обессилив от смеха.

– Мне очень жаль, милая, что ты разочарована, но мы все делали все, что в наших силах, чтобы ты осталась довольна, – сказала миссис Марч, и в тоне ее звучало материнское сочувствие.

– Но я довольна. Я смогла сделать то, что наметила, и не моя вина, что предприятие потерпело неудачу. И я себя этим утешаю, – ответила Эми, и тут голос ее чуть дрогнул. – Я вам всем очень благодарна и буду еще более благодарна, если вы не станете напоминать мне об этом хотя бы месяц.

Никто из них не напоминал ей об этом много месяцев, однако слово «пир» долго вызывало у всех улыбку, а в день рождения Эми подарком от Лори стал крохотный коралловый брелок в виде омара для цепочки ее карманных часов.

Глава четвертая

Уроки литературы

Фортуна неожиданно подарила Джо свою улыбку, подбросив на ее пути счастливый пенни. Если говорить точно, он не был золотым, этот пенни, но я сомневаюсь, чтобы даже полмиллиона могли принести ей больше радости, чем та малая сумма, какая попала ей в руки таким образом.

Раз в несколько недель она непременно и надолго укрывалась у себя в комнате, надевала «бумагомарательский костюм» и «окуналась в пучину», как она это называла, всею душой и сердцем погружаясь в работу над своим романом, ибо «пока он не закончен, ей не найти покоя». Ее бумагомарательский костюм состоял из черного шерстяного передника, о который Джо могла, когда ей заблагорассудится, отирать перо, и шапочки из того же материала, украшенной веселым красным бантом, под которую она убирала свои отросшие волосы, когда все палубы были очищены и подготовлены к решительным действиям. Шапочка являла собою предостерегающий маяк вопрошающим взглядам остальных членов семьи; сами же они в такие периоды держались на расстоянии, решаясь лишь просовывать голову в дверь и только в половине этих редких случаев задавать вопрос: «Как, Джо, огонь гениальности еще пылает?» И даже такой вопрос они задавали не всегда, поскольку внимательно следили за шапочкой и поступали соответственно. Если сия выразительная деталь костюма была низко надвинута на лоб, это служило знаком, что идет тяжелая работа; в волнующие моменты шапочка лихо сдвигалась набекрень, а когда автора обуревало отчаяние, ее напрочь сдирали с головы и даже швыряли на пол. В такое время любопытствующий молча втягивал голову обратно, и до тех пор, пока веселый красный бант не становился снова виден высоко над гениальным лбом, никто из родных не отваживался обратиться к Джо. Сама она отнюдь не считала себя гениальной, однако, когда на нее находил «писательский стих»*, она целиком и полностью отдавалась ему, забывая о заботах и нуждах, не замечая дурной погоды, живя в счастливом покое и безопасности воображаемого мира, в окружении множества друзей, почти столь же реальных и дорогих ей, как те, кого она знала во плоти. Она забывала об утомленных глазах, ее еда стояла нетронутой, день и ночь оказывались для нее слишком кратки, чтобы вдоволь насладиться тем счастьем, что нисходило на нее только в часы «бумагомарания» и делало эти часы столь яркими, что их стоило прожить, даже если бы они не приносили иных плодов. Божественное вдохновение длилось неделю, а то и две, а затем Джо возникала из «пучины» голодная, невыспавшаяся и сердитая или же приунывшая.

И вот теперь она как раз оправлялась от одного из этих приступов, когда ее уговорили сопроводить мисс Крокер на некую лекцию и в награду за это доброе деяние она обрела новую идею. Лекция была о египетских пирамидах, из программы «Народный курс», и Джо даже подивилась выбору такой темы для такой аудитории, однако приняла как должное, исходя из того, что какое-то огромное социальное зло, вероятно, окажется исправленным или какая-то огромная общественная нужда удовлетворена, если будут раскрыты великолепие и краса фараонов тем слушателям, чьи мысли заняты ценами на уголь и на муку, а жизнь посвящается решению загадок более трудных, чем загадка Сфинкса.

Джо с мисс Крокер явились рано, и, пока мисс Крокер поправляла пятку своего чулка, Джо развлекалась, рассматривая лица людей, сидевших на скамье рядом с ними. Слева от нее расположились две матроны с массивными лбами и в соответствующих шляпах, напоминающих чепцы, они обсуждали Женские Права и плетение кружев. Далее она увидела парочку скромных влюбленных, безыскусно державшихся за руки, мрачную старую девушку, поедавшую мятные лепешечки из бумажного кулька, и пожилого джентльмена, погруженного в пред-

варительную дрему под прикрытием желто-пестрого носового платка. Справа же ее единственным соседом был прилежного вида паренек, поглощенный чтением газеты. Это было иллюстрированное издание, и Джо внимательно вгляделась в ближайшее к ней произведение искусства, празднуя интересуюсь тем, какое поистине удачное стечение обстоятельств нуждалось в мелодраматическом описании: индеец в полном боевом облачении валился в пропасть вместе с волком, вцепившимся ему в горло, в то время как неподалеку от них двое разъяренных молодых джентльменов, с ненатурально маленькими ножками и огромными глазами закалывали друг друга шпагами, а на заднем плане какая-то растрепанная женщина с широко открытым ртом убегала прочь.

Оторвавшись от чтения, чтобы перевернуть страницу, паренек заметил, куда Джо смотрит, и с мальчишеским добродушием, не колеблясь предложил ей половину газеты со словами: «Хотите почитать? Ох и первоклассная же это история!»

Джо с улыбкой приняла предложенное, ведь она так и не переросла своей особой приязни к мальчишкам, и очень скоро оказалась втянута в обычный лабиринт любовных и загадочных приключений и убийств, ибо история эта принадлежала как раз к такого рода легкой литературе, где страсти правят бал, а когда автору недостает изобретательности, грандиозная катастрофа очищает сцену от половины *personae dramatis*³, оставляя другой половине возможность бурно радоваться поражению первой.

– Здорово, верно? – спросил паренек, когда взгляд Джо пробежал последний абзац ее части рассказа.

– Ну, думаю, вам или мне удалось бы это сделать ничуть не хуже, если бы мы попробовали, – отвечала Джо, пораженная тем, как его восхищает такая чушь.

– А я бы посчитал себя настоящим счастливчиком, если б смог. Она здорово зарабатывает на таких рассказах, как я слышал. – И паренек указал на имя автора: «Миссис С.Л.Э.Н.Г. Нортбери»* под названием рассказа.

– А вы с ней знакомы? – спросила Джо, с неожиданно проснувшимся интересом.

– Нет, но я читаю все, что она пишет, и знаком с одним парнем из конторы, где печатается эта газета.

– И вы говорите, она хорошо зарабатывает рассказами вроде этого? – И Джо с гораздо большим уважением взглянула на взволнованную группу героев и густую россыпь восклицательных знаков, украшавших газетную страницу.

– Еще бы нет! Она знает, что людям нравится, так и пишет. За то ей и платят так хорошо.

Тут лекция началась, однако Джо слышала из нее очень немного, так как, пока профессор Сэндс скучно разглагольствовал о Бельцони*, Хеопсе, скарабеях и иероглифах, она украдкой списывала адрес газеты и принимала дерзостное решение участвовать в конкурсе на сенсационный рассказ за стодолларовый приз, предлагаемый на ее страницах. К тому моменту, как лекция закончилась и слушатели проснулись, Джо успела построить себе великолепное состояние (отнюдь не первое, построенное на бумажном фундаменте) и уже углубилась в сотворение своего рассказа, не зная пока, устроить ли ей дуэль до побега влюбленных или после убийства.

Дома она никому о своем плане не сказала, но на следующий же день принялась за работу, чем обеспокоила свою матушку, которая всегда выглядела несколько взволнованной, когда «гениальность начинала пылать». Джо еще не приходилось писать в этом стиле, она удовлетворялась весьма мягким романтизированием для газеты «Спред Игл». Ее собственный опыт и беспорядочное чтение теперь послужили ей на пользу, поскольку давали хоть какое-то представление о драматическом эффекте, а также предоставляли сюжет, язык и костюмы. Ее рассказ был настолько же полон безрассудств и отчаяния, насколько ее ограниченное знакомство с такими неприятными явлениями позволяло ей этого добиться, и, поместив действие рассказа

³ Действующие лица (*лат.*).

в Лиссабон, она в качестве впечатляющей и вполне подходящей развязки завершила его землетрясением*.

Рукопись была тайно отправлена в сопровождении записки, где скромно говорилось, что, если рассказ не получит приза, на который автор вряд ли может надеяться, она будет рада любой сумме, какой он, по мнению редакции, заслуживает.

Полтора месяца – долгий срок для того, кто ждет, и еще более долгий для девушки, не желающей выдать тайну, однако Джо справилась и с тем и с другим и уже начала было терять всякую надежду даже на то, что вообще сможет снова увидеть свою рукопись, когда пришло письмо, от которого у нее чуть не перехватило дух, ибо, едва она распечатала конверт, как из него, прямо ей на колени, выпал чек на сто долларов. Целую минуту она глядела на него так, будто это была змея, потом прочла письмо и расплакалась. Если бы добродушный джентльмен, написавший это любезное письмо, знал, какое несказанное счастье принес он своему ближнему, я думаю, он посвятил бы часы своего досуга – если они у него есть! – именно такому развлечению, ведь для Джо это письмо оказалось значительно большей ценностью, чем деньги: оно ее поощряло, и ей, после многолетних усилий, приятно было сознавать, что она научилась что-то делать, пусть хотя бы только писать сенсационные рассказы.

Редко можно было бы увидеть женщину более гордую, чем Джо, когда, овладев собою, она взволновала все семейство, появившись перед родными с письмом в одной руке, чеком в другой, и объявила, что она выиграла приз. Разумеется, был устроен грандиозный праздник, а когда рассказ вышел, все и каждый его прочитали и похвалили, хотя ее отец, сказав, что язык рассказа хорош, романтический эпизод свеж и крепко сбит, а трагедия поистине волнует, покачал головой и добавил в свойственной ему, «не от мира сего», манере:

– Ты способна сделать гораздо лучше, Джо. Стремись к наивысшему и никогда не думай о деньгах.

– А мне кажется, что деньги в этом деле и есть самое лучшее, – заявила Эми, устремив на магический листок бумаги почтительный взор. – Что ты будешь делать с таким богатством?

– Отправлю Бет с мамой к морю на месяц-другой, – не задумываясь, ответила Джо.

К морю они и отправились после множества споров и обсуждений, и хотя Бет вернулась не такой розовощекой и пухленькой, как можно было бы желать, ей стало гораздо лучше; зато миссис Марч объявила, что чувствует себя помолодевшей на десять лет. Так что Джо была вполне удовлетворена тем, как сумела вложить свои призовые деньги, и с веселым воодушевлением принялась за работу, намереваясь заработать побольше таких восхитительных чеков. Она и правда в тот год заработала их несколько и почувствовала себя в доме некоей силой, поскольку магией пера ее «чепуха» превращалась в земные блага для всей семьи. «Дочь герцога» уплатила по счету мясника, «Призрачная рука» расстелила в гостиной новый ковер, а «Проклятие семьи Кавентри» обернулось благословением для семьи Марч, дав им возможность запастись бакалейными продуктами и купить кое-какую одежду.

Богатство, несомненно, вещь весьма желательная, но и у бедности есть своя привлекательная – солнечная – сторона, и одна из приятных черт этих неприятных обстоятельств – глубочайшее удовлетворение, которое дает усердная работа мысли или рук, и именно необходимости мы обязаны вдохновением, принесшим миру благословенно мудрые, прекрасные и полезные дары. И Джо с наслаждением вкусила от этого удовлетворения и перестала завидовать более богатым подругам, довольная тем, что может сама обеспечивать свои нужды, ни у кого не прося ни гроша.

Мало кто обратил внимание на ее рассказы, тем не менее своего читателя они нашли, и, ободренная этим, Джо отважилась на дерзновенный рывок к славе и деньгам.

Переписав свой роман уже в четвертый раз, прочитав его всем своим самым близким друзьям и предложив его, со страхом и трепетом, трем издателям, она в конце концов решила

от него избавиться, поскольку по условиям требовалось сократить роман на треть и убрать из него как раз те части, которые ей самой особенно нравились.

Созвав семейный совет, Джо сказала:

– Ну, вот. Теперь я должна либо свалить все это в свой старый кухонный стол, обитый жестью, пусть он там плесневеет, либо напечатать книжку за свой счет, или уж порезать рукопись на куски для удобства покупателей в лавках и по возможности хоть что-то за это получить. Слава – прекрасная вещь для домашнего обихода, да только деньги гораздо удобнее, поэтому мне хотелось бы узнать, что считают по этому важному поводу участники нашего заседания.

– Не стоит портить свою книжку, девочка моя, в ней есть нечто большее, чем ты сейчас видишь, и ее идея разработана очень хорошо. Пусть она отлежится и созреет, – таков был совет ее отца, у которого слово никогда не расходилось с делом: он сам терпеливо прождал тридцать лет, пока созрели плоды его труда, и даже теперь, когда они стали сладкими и сочными, не торопился их собирать.

– Мне представляется, что Джо больше выиграет не ожиданием, а не оставляя стараний, – сказала миссис Марч. – Критика – наилучшая проверка такой работы, ибо выявляет в ней как незамеченные достоинства, так и недостатки, а это поможет ей в следующий раз написать лучше. Мы слишком пристрастны, но хвала и хула посторонних окажется полезной, даже если Джо станет получать меньше денег.

– Да, – нахмурила брови Джо. – В том-то и дело. Я столько возилась с этой штукой, что уже и в самом деле не понимаю, хороша ли она, плоха или ни то ни се. Мне очень помогло бы, если бы нашлись спокойные, беспристрастные люди, которые посмотрели бы ее и сказали мне, что они о ней думают.

– А я бы ни слова из нее не выкинула. Ты ее испортишь, если согласишься, потому что ее интерес заключен более в мыслях и чувствах, чем в действиях людей, и все запутается, если ты по ходу дела не станешь ничего объяснять, – сказала Мег, в твердом убеждении, что этот роман – самая замечательная из всех когда-либо написанных книг.

– Но мистер Аллен говорит: «Уберите объяснения, сделайте роман кратким и драматичным, пусть сами персонажи рассказывают эту историю», – прервала ее Джо, имитируя тон издателя.

– Ну и сделай, как он говорит. Он знает, что станут покупать, а мы – нет. Сделай хорошую популярную книжку и получи столько денег, сколько сможешь. Со временем, когда у тебя будет имя, ты позволишь себе отвлекаться и описывать в своих романах людей с философскими и метафизическими идеями, – сказала Эми, рассматривая проблему с сугубо практической точки зрения.

– Ну, – воскликнула, рассмеявшись, Джо, – если мои герои высказывают философские или метафизические идеи, то я в этом ни капельки не виновата, потому что сама я про такие вещи ничего не знаю, разве только то, что папа порой говорит. Если какие-то из его идей замешались в мой роман, тем лучше для меня. А ты-то что скажешь, Бет?

– А мне так хотелось бы поскорей увидеть его в печати! – вот и все, что произнесла Бет, и она улыбалась, говоря это. Однако, совершенно бессознательно, она сделала ударение на слове «поскорей», а глаза ее, так и не утратившие детского чистосердечия, были печальны. На миг это их выражение пронзило сердце Джо холодком дурного предчувствия, и она решила предпринять свою маленькую авантюру «поскорей».

Итак, со спартанской твердостью юная писательница уложила своего первенца на стол и искромсала его безжалостно, словно какая-нибудь людоедка. В надежде угодить всем и каждому, она учла все полученные ею советы и, подобно старику с ослом из известной басни, не угодила никому*.

Отцу Джо понравилась метафизическая струйка, бессознательно просочившаяся в роман, так что она получила разрешение остаться, хотя у автора были сомнения на этот счет.

Мама полагала, что в книге чуть многовато описаний. Прочь описания, а с ними вместе – многие необходимые, связующие рассказ нити. Мег восхищалась трагической линией, так что Джо сгустила краски до предела, чтобы угодить сестре, а поскольку Эми возражала против смешных сцен – с самыми лучшими намерениями, какие можно себе представить, – Джо притушила веселые эпизоды, облегчавшие мрачный характер повествования. Затем, довершая развал, она сократила роман на треть и легковерно отправила незадачливую тоненькую рукопись, словно ошипанную малиновку, в большой, занятый своими делами мир, навстречу ее судьбе.

Ну что же, роман был напечатан, а Джо получила триста долларов и множество похвал, хотя не меньше и хулы: и того и другого больше, чем ожидала, настолько больше, что впала в невероятную растерянность, из которой ей пришлось выбираться довольно долгое время.

– Вы говорили, маменька, что критика мне поможет. Но как же это возможно, если она так противоречива, что я не пойму – написала ли я многообещающую книгу или нарушила все десять христианских заповедей? – вскричала бедная Джо, перебирая грудку отзывов, которые она просматривала, каждую минуту переходя от гордости и радости к гневу и отчаянию. – Вот, например, один критик пишет: «Изысканная книга, полная правды, красоты и искренности». Тут все мило, чисто и здорово, – продолжала растерявшаяся писательница. – А вот следующий: «Сама теория книги дурна, книга полна патологических измышлений, идеи ее спиритуалистичны, а персонажи ненатуральны». Но ведь у меня не было никакой теории книги, я не признаю спиритуализма, а персонажи мои взяты из жизни, я не вижу, как этот критик может оказаться прав. Еще один говорит: «Это один из лучших американских романов, появившихся за многие годы». (Ну, я-то знаю и получше!) А еще один утверждает: «Хотя роман оригинален и написан с большой силой и чувством, эта книга опасна». Ничего подобного! Некоторые над ним смеются, другие – перехваливают, и почти все настаивают, что я развиваю какую-то глубокую теорию, а я просто писала все это ради собственного удовольствия и из-за денег. И мне жаль, что он не напечатан целиком, лучше бы уж совсем не издавать – ужасно, что обо мне так неверно судят!

Все семейство Джо и ее друзья не жалели слов утешения и добрых советов. И все же это время было весьма тяжким для тонко чувствующей, пылкой Джо, которая желала сделать как можно лучше, а получилось явно хуже. Тем не менее это пошло ей на пользу, ибо критика тех, чье мнение реально оказалось стоящим, послужила к наилучшему воспитанию автора, и, когда первая горечь прошла, Джо смогла позволить себе посмеяться над злосчастной книжкой, но все же не отвергать ее, и почувствовала, что благодаря нанесенным ей ударам она стала мудрее и сильнее.

– Я ведь не гений, как Китс, так что все это меня не может убить*, – отважно заявила она, – да и правда в этой шутке – на моей стороне, потому что отвергнутые части, которые сочли невозможными и нелепыми, были взяты прямо из самой жизни, тогда как те, что я выдумала из собственной дурацкой головы, объявлены очаровательно натуральными, нежными и точными! Так что я могу утешаться этим и, когда буду готова, снова возьмусь за свое и попытаюсь еще разок.

Глава пятая

Опыт домоводства

Подобно большинству юных жен, Мег начинала свою замужнюю жизнь с решимостью стать образцовой хозяйкой дома. Джон должен обрести в своем доме рай земной, видеть в нем всегда улыбающееся лицо жены, ежедневно вкушать самую изысканную пищу и никогда не ощущать потери ни единой пуговицы. Мег столько любви, энергии и радости вкладывала в эту работу, что не могла не добиться успеха, несмотря на кое-какие препятствия. Ее земной рай вовсе не был спокойным местом, потому что маленькая женщина волновалась по пустякам, слишком стараясь угодить, и суежилась, словно библейская Марта*, обремененная множеством забот. Порою она так уставала, что даже улыбнуться не могла, а у Джона началось несварение желудка после целого ряда изысканных блюд, и он неблагодарно потребовал простой пищи. Что же касается пуговиц, Мег очень скоро научилась удивляться тому, куда же они в конце концов исчезают, покачивать головой по поводу небрежности мужчин и грозить, что заставит Джона пришивать их самостоятельно и тогда посмотрит, выдержит ли его работа, сделанная нетерпеливыми и неумелыми пальцами, хоть немного дольше, чем ее.

Они были очень счастливы даже после того, как обнаружили, что невозможно жить только любовью. Джон не считал, что Мег стала менее красивой оттого, что глядит на него из-за хорошо знакомого кофейника. Да и Мег не считала своего мужа менее романтичным оттого, что он, каждое утро прощаясь с ней нежным поцелуем, неизменно и ласково спрашивал: «Что мне прислать тебе для обеда, моя дорогая, – телятины или баранины?»

Дом-малыш перестал быть прелестной беседкой для влюбленных, превратившись в домашний очаг, и молодые супруги скоро почувствовали, что такая перемена – к лучшему. Поначалу оба они просто играли в «вести дом», и это их по-детски забавляло. Затем Джон всерьез взялся за свое дело, почувствовав, что на его плечи легли теперь заботы главы семьи, а Мег убрала подальше свои батистовые рабочие халатики, надела большой фартук и принялась за работу, как уже упоминалось, вкладывая в нее больше энергии, чем благоразумия.

До тех пор пока длилась ее кулинарная мания, Мег пользовалась «Поваренной книгой» миссис Корнелиус так, словно это был сборник математических задач, терпеливо и с тщанием решая каждую из них. Иногда она приглашала на обед свое большое семейство – отведать слишком обильного пиршества – результата ее успехов, иногда же тайком отправляла Лотти домой с целым пакетом неудач, которые следовало скрыть от посторонних глаз в весьма подходящих для этой цели желудках младших Хаммелей. Вечер, проведенный с Джоном над книгой расходов, обычно вызывал временное охлаждение кулинарного энтузиазма, сменявшегося приступом бережливости, когда бедняге-мужу приходилось довольствоваться хлебным пудингом, вчерашним мясом с овощами и разогретым кофе, что было ему вовсе не по душе, хоть он и переносил все это с достойной похвалы стойкостью. Золотую середину удалось найти лишь после того, как Мег добавила к своим кухонным принадлежностям то, без чего не обходится практически ни одна молодая семья, – «семейную банку»*.

Горя хозяйственным рвением, Мег желала видеть свою кладовую заполненной домашними заготовками, поэтому она решила поставить туда сделанное своими руками желе из красной смородины. Она попросила Джона заказать на дом примерно дюжину небольших банок и дополнительное количество сахара, так как их собственная смородина уже созрела и следовало заняться ею незамедлительно. Джон был твердо уверен в том, что «моя жена» сумеет справиться с чем угодно, и, естественно, гордясь ее умениями, он не сомневался, что следует пойти навстречу ее желаниям и тогда их единственный фруктовый урожай окажется заготовлен на зиму в самом привлекательном виде.

И вот домой прибыли четыре дюжины восхитительных небольших банок, полбочонка сахара и мальчик – собирать для Мег смородину. Убрав свои дивные волосы под тугую шапочку, с обнаженными по локоть руками и надев клетчатый фартук с нагрудником, придававший ей, несмотря на нагрудник, вполне кокетливый вид, юная хозяйка принялась за работу, нисколько не сомневаясь в успехе: разве она не сотню раз видела, как это делает Ханна? Целая армия банок поначалу несколько ее поразила, но Джон так любит смородиновое желе, а прелестные баночки будут так чудесно выглядеть на верхней полке, что Мег решила заполнить их все до одной и потратила весь долгий день, собирая, варя, процеживая и всячески возясь с этим желе. Она очень старалась, она советовалась с миссис Корнелиус, она ломала голову, пытаясь вспомнить, как это делала Ханна и что упустила из виду она сама, она переваривала и добавляла сахару и снова процеживала, но это ужасное варено никак не соглашалось «зажеливаться»!

Ах, как ей хотелось побежать домой, прямо так, в фартуке и прочем, и упросить маменьку подать ей руку помощи! Но ведь они с Джоном давно договорились никогда и никому не докучать своими проблемами, экспериментами или ссорами. Они даже посмеялись тогда над этим последним словом, будто подразумеваемая в нем идея противоречила здравому смыслу, однако они твердо держались своего решения и, когда только могли, обходились без помощи; впрочем, никто и не вмешивался в их дела, ибо такой план был принят по совету миссис Марч. Так что Мег в полном одиночестве сражалась с неподдающимся сладким месивом весь тот жаркий летний день напролет, а в пять часов уселась в своей перевернутой вверх дном кухоньке, ломая запятнанные соком руки, и зарыдала в голос.

Надо сказать, что на заре ее новой жизни Мег часто говорила: «Мой муж вправе приводить в дом кого-нибудь из друзей, когда ему заблагорассудится. Я буду всегда готова. Не будет никакой суеты и спешки, никаких выражений недовольства, никакой неловкости, только опрятный дом, веселая жена и вкусный обед. Джон, милый, никогда не спрашивай моего позволения, приглашай, кого захочешь, и будь уверен – я всегда с радостью стану приветствовать гостя».

Как очаровательно это звучало! Как же было Джону не сиять от гордости, услышав такие слова, как не почувствовать, что это за благословение – иметь такую превосходную жену! Однако хотя к ним время от времени приходили гости, никогда еще не случилось так, чтобы это было неожиданно, и Мег до сих пор не представлялось возможности отличиться. Так ведь всегда и бывает в сей юдоли слез: существует определенная закономерность в отношении таких вещей, чему мы можем лишь дивиться, о чем можем сожалеть, но что приходится переносить как можно достойнее.

Если бы Джон напрочь не забыл о смородиновом желе, было бы и в самом деле непростительно, что он из всех дней в году выбрал именно этот день для того, чтобы неожиданно привести друга обедать к себе домой. Поздравляя себя с тем, что утром он попросил жену приготовить прекрасный обед, уверенный, что все будет готово вовремя, минута в минуту, он пребывал в чудесном расположении духа, предвкушая восторг, который все это вызовет, когда его прелестная жена радостно выбежит ему навстречу; и он вел друга к своему особняку с неугасимым оптимизмом молодого супруга и хозяина дома.

Но наш мир – мир разочарований, как обнаружил Джон, когда оба они приблизились к «Давкоту». Парадная дверь его обычно стояла гостеприимно распахнутой. Сейчас она не просто была закрыта, но и заперта, а ступени крыльца все еще украшала вчерашняя грязь. Окна гостиной тоже были закрыты, занавеси задернуты, а в патио перед домом их глазам не представало зрелище прелестной жены в белом, с шитьем в руках и увлекательно крохотным бантиком в волосах или ясноглазой хозяйки дома, с застенчивой улыбкой приветствующей гостя. Ничего подобного! Нигде не видно было ни души, кроме мальчика, спавшего под кустами смородины и казавшегося окровавленным.

– Боюсь, что-то случилось. Пройдите в сад, Скотт, пока я буду разыскивать миссис Брук, – сказал Джон, встревоженный тишиной и пустотой вокруг дома.

Он поспешно забежал за дом, ведомый терпким запахом жженого сахара. Мистер Скотт последовал за ним, с довольно странным выражением на лице. Он остановился несколько поодаль, когда Брук исчез, но со своего места мог и видеть, и слышать и, как холостяк, от души наслаждался предвкушением грядущей сцены.

На кухне царило смятение и отчаяние. Первая редакция желе тихо сочилось из одной банки в другую, вторая простерлась на полу, а третья весело подгорала на плите. Лотти, с поистине тевтонским флегматизмом, спокойно уплетала хлеб со смородиновым «вином», поскольку желе по-прежнему пребывало в безнадежно жидком состоянии, тогда как сама миссис Брук сидела, накинув передник на голову, и горько рыдала.

– Девочка моя дорогая, в чем дело? – вскричал Джон, врываясь в кухню и представляя себе ужасные картины обожженных рук, внезапных бедствий, да еще испытывая затаенный страх при мысли о неожиданном госте в саду.

– Ох, Джон, я так устала, и мне так жарко, и я сердита и расстроена! Я целый день это делала, до изнеможения. Иди скорей и помоги мне, не то я тут просто умру.

И его изможденная жена прижалась к его груди с нежным и сладким, во всех смыслах этого слова, приветствием, потому что ее передник получил крещение соком в тот же момент, что и пол.

– Но что же тебя расстроило, милая? Разве случилось что-то ужасное? – спрашивал Джон в волнении, нежно целуя макушку тугой шапочки, слегка съехавшей набок.

– Да-а! – в отчаянии прорыдала Мег.

– Так скажи мне поскорей! Только не плачь. Я все могу вынести гораздо легче, чем это. Ну же, любовь моя, выкладывай!

– Же... Желе никак не зажеливается, и я не знаю, что делать!

Джон Брук рассмеялся так, как не решался смеяться более никогда в жизни, а иронически настроенный Скотт не смог удержаться от улыбки, услышав этот хохот, положивший заключительный мазок на картину горестей молодой хозяйки.

– Всего-то навсего? Выплесни все это в окошко, и пусть оно тебя больше не заботит. Только пожелай, и я куплю тебе сколько хочешь большущих банок желе, но, ради всего святого, кончай истерику, потому что я привел к нам обедать Джека Скотта, и...

Больше Джон ничего не успел сказать, так как Мег его оттолкнула и, трагическим жестом сжав руки, упала в кресло, воскликнув тоном, в котором слышались и возмущение, и упрек, и отчаяние:

– Гость к обеду, а дома все вверх дном! Джон Брук, ну как ты мог такое сделать?

– Ш-ш-ш! Он же в саду! Я напрочь забыл про это проклятое желе, но теперь уж ничего не поделаешь, – ответил Джон, рассматривая всю открывшуюся ему перспективу обеспокоенным взглядом.

– Тебе надо было послать кого-нибудь предупредить меня или сказать мне утром и надо было помнить, как я занята, – обиженно продолжала Мег, потому что ведь даже горlinkа клюется, если встопорщишь ей перышки.

– Утром я об этом еще не знал, и у меня не оставалось времени тебя предупредить, так как я встретил Джека, когда уходил домой. Я никак не думал о том, чтобы просить у тебя позволения, ведь ты всегда говорила, что я могу поступать, как мне заблагорассудится. Я раньше никогда так не поступал, и пусть меня повесят, если я когда-нибудь еще раз попробую, – произнес Джон с удрученным видом.

– Очень надеюсь. Уведи его прочь немедленно. Я не могу с ним видаться, и у нас нет никакого обеда.

– Вот как? Это мне нравится! А где же мясо и овощи, что я послал домой, и обещанный тобою пудинг? – вскричал Джон, бросаясь в кладовую для продуктов.

– У меня времени не было что-нибудь готовить. Я собиралась пообедать у мамы. Прости, Джон, но я была так занята... – И слезы Мег снова полились ручьем.

Джон был человек мягкий, но всего лишь человек – и после целого дня на работе, придя домой усталым и голодным, застать там хаос, пустой стол и сердитую жену... Картина была вовсе не такой, какая могла бы способствовать душевному покою или мирному поведению. Однако он сдержал себя, и небольшая стычка скоро затихла бы, если бы не одно неудачное слово.

– Это неприятность, согласен, но если ты мне поможешь, приложишь руку, мы выкрутимся и еще сможем хорошо провести время. Не плачь, дорогая, просто сделай над собой усилие и приготовь нам что-нибудь поесть. Мы оба голодны, как охотники, так что нам все равно, что это будет. Дай нам холодного мяса и хлеба с сыром. А на желе мы не претендуем!

Джон хотел, чтобы шутка прозвучала добродушно, но одно-единственное слово решило его судьбу. Мег сочла, что намекать на ее печальный провал с желе слишком жестоко со стороны мужа, и последние капли ее терпения после его шутки испарились.

– Из этой неприятности тебе придется выкручиваться самому – как сумеешь. Я слишком измучена, чтобы еще «делать над собой усилие» для кого бы то ни было. Это так по-мужски – предлагать гостям кость и вульгарный хлеб с сыром! В моем доме ничего подобного не будет. Отведи этого Скотта к маме, скажи ему, что я уехала, заболела, умерла – все, что угодно. Я не хочу его видеть, а вы оба можете смеяться надо мной и моим желе, сколько пожелаете. У меня вы ничего больше не получите. – И, одним духом выразив свое недовольство, Мег бросилась вон из кухни – оплакивать себя в уединении своей комнаты.

Что эти два субъекта делали в ее отсутствие, Мег так никогда и не узнала, однако мистер Скотт не был «отведен к маме», а когда Мег сошла вниз после того, как они, оба вместе, зашагали прочь, она обнаружила следы неразборчивой трапезы, ужаснувшие ее до глубины души. Лотти же доложила, что «мушчины ели всё много и велико смеялись, и хозяин велел кинуть весь сладкость прочь, а банки прятать».

Мег отчаянно хотелось броситься к маменьке и все ей рассказать, но чувство стыда и сознание собственных недостатков удержали ее от этого, да и преданность Джону тоже: «Может быть, он и жесток, только никто не должен знать об этом»; и после безотлагательного приведения дома в порядок Мег оделась как можно более к лицу и села в гостиной ожидать возвращения Джона, чтобы его простить.

К несчастью, Джон, смотревший на произошедшее в ином свете, не возвращался. Он ушел вместе со Скоттом, считая это хорошим продолжением шутки, извинился, как мог, за отсутствие жены и сыграл роль радушного хозяина столь успешно, что друг его получил большое удовольствие от обеда и обещал прийти к ним снова; однако Джон был сердит, хотя не подавал вида, чувствуя, что Мег бросила его в тяжелый час. «Это же несправедливо – говорить человеку, чтобы он приводил друзей домой в любое время совершенно свободно, а когда он ловит тебя на слове, взрывать и винить его за это, а потом покинуть в беде, когда он мог выглядеть перед гостем смешным или жалким. Да уж, клянусь святым Георгием, несправедливо! И Мег должна это понять».

Джон внутренне кипел все время, пока они пировали, но, когда суматоха осталась позади и он пешком возвращался домой, настроение его помягчело. «Бедная малышка! Ей трудно пришлось, она же от всего сердца хотела сделать мне приятное. Она, разумеется, была не права, но ведь она так молода! Я должен быть терпеливее и ее всему учить».

Он надеялся, что Мег не пошла домой к маме, – Джон терпеть не мог пересудов и постороннего вмешательства. На миг он снова взъерошился, почувствовав раздражение при самой мысли о такой возможности, но затем страх, что Мег вдруг доплачется до какой-нибудь

болезни, смягчил его сердце и ускорил его шаги; он решил быть спокойным и добрым, но все же твердым, даже очень твердым и объяснить жене, в чем именно она нарушила свой супружеский долг.

Мег, подобно Джону, тоже пришла к решению быть «спокойной и доброй, но твердой» и показать мужу, что значит супружеский долг. Ей очень хотелось выбежать ему навстречу и попросить прощения и получить в ответ поцелуй и слова утешения – она не сомневалась, что все именно так и будет, но она, конечно же, ничего подобного не сделала и, когда увидела входящего в дом Джона, принялась очень натурально напевать что-то про себя, покачиваясь в кресле-качалке с вышиванием в руках, как светская дама, наслаждающаяся досугом в своей лучшей гостиной.

Джон был несколько разочарован, не обнаружив нежной Ниобеи*, однако, считая, что чувство собственного достоинства требует, чтобы первые извинения были принесены ему, он молча, лениво шагая, прошел к дивану и лег, сделав исключительно уместное замечание:

– У нас, видимо, намечается новолуние, моя дорогая.

– У меня нет возражений, – столь же успокоительно ответила Мег.

Мистер Брук предложил еще несколько тем, представляющих общий интерес, однако и они были с тем же равнодушием погашены миссис Брук, и беседа зачахла. Джон встал, направился к одному из окон, развернул газету и, фигурально выражаясь, ушел в нее с головой. Мег прошла к другому окну и снова принялась за вышивание, словно новые розочки на домашних туфлях были насущной жизненной необходимостью. Ни тот ни другая не говорили ни слова. Оба выглядели совершенно «спокойными и твердыми», обоих угнетало чувство невыносимой неловкости.

«Ах, как ужасно, – думала Мег, – замужество – необычайно трудное дело и действительно требует бесконечного терпения, а не только любви, как маменька и говорит». Слово «маменька» привело ей на память и другие материнские советы, преподанные давно и воспринятые с недоверием и протестами.

«Джон хороший человек, но и у него есть недостатки, тебе следует об этом помнить и с терпением их переносить, памятуя о своих собственных. Он очень тверд в решениях, но не станет упрямиться, если ты не будешь раздраженно возражать ему, а по-доброму приведешь свои доводы. Он всегда точен и щепетильно честен и требует того же от других – это прекрасная черта, хоть ты и называешь его привередой. Никогда не пытайся обмануть его ни взглядом, ни словом, Мег, и он одарит тебя доверием, которого ты заслуживаешь, и поддержкой, которая тебе необходима. У Джона горячий нрав – не такой, как у нас: вспышка, и все прошло, – а добела раскаленный, тихий гнев, редко возникающий, но уж если возгорится, его трудно унять. Будь осторожна, очень осторожна, чтобы не пробудить его гнев по отношению к самой себе, ибо покой и счастье вашей семьи зависят от его уважения к тебе. Следи за собой, первой проси прощения, если ошиблись вы оба, и избегай мелких стычек, размолвок и необдуманных, поспешных слов: они часто мостят дорогу к горьким сожалениям и мукам».

Мамины слова пришли Мег на ум, когда она сидела за вышиванием в лучах закатного солнца, особенно – последние. То, что произошло, было первой серьезной размолвкой с мужем, ее собственные необдуманные речи, как ей припомнилось, прозвучали не только глупо, но и недобро, ее гнев, как ей теперь казалось, выглядел по-детски, а от воспоминания о том, как бедный Джон пришел домой к устроенной ею сцене, сердце ее совсем растаяло. Она взглянула на мужа полными слез глазами, но он их не увидел. Мег отложила вышивание и встала, подумав: «Я первой скажу „Прости меня!“», но он, казалось, ее не услышал. Она очень медленно подошла к нему и остановилась рядом, но он и головы к ней не повернул. На миг она усомнилась в том, что на самом деле готова извиниться, но затем ей пришло в голову, что это – начало: «Я выполню свой долг, и мне не в чем будет себя упрекнуть», и, наклонившись, она тихонько поцеловала мужа в лоб.

И конечно же, этим все разрешилось. Поцелуй раскаяния был лучше самого лучшего из всех прекрасных слов на свете, и Джон тут же усадил жену к себе на колени, нежно сказав ей:

– Нехорошо было смеяться над злосчастными баночками с желе. Прости меня, дорогая. Такое со мной никогда больше не повторится.

Но такое с ним повторялось – увы, да! – сотни раз, и с Мег тоже, однако оба они утверждали, что это желе было самым сладким из всех, что они когда-либо делали, ибо именно в этой маленькой «семейной баночке» был сохранен их семейный мир.

После этого случая мистер Скотт явился к обеду по особому приглашению от Мег, и ему подали весьма приятное угощение вместо распаренной жены в качестве первого блюда: на сей раз Мег была так весела и грациозна и так очаровательно провела этот прием, что мистер Скотт признал, что Джону, счастливцу, повезло, и всю дорогу домой покачивал головой, сокрушаясь о трудностях холостяцкой жизни.

Осенью на долю Мег выпали новые испытания, пришел новый опыт. Сэлли Моффат возобновила с ней дружбу и то и дело забегала в маленький дом – угоститься сплетнями или приглашала «эту милую бедняжку» к себе – провести денек в ее большом доме. Мег это было приятно, потому что в пасмурную погоду она нередко чувствовала себя одиноко. Дома, у мамы, все были заняты, Джон до вечера отсутствовал, и делать было совершенно нечего, кроме как шить, читать или бесцельно слоняться по комнатам. Так что получилось вполне естественно, что Мег привыкла щебетать и сплетничать со своей подругой. Видя красивые вещи у Сэлли, она снова затосковала и стала жалеть себя – ведь у нее таких не было! Сэлли, очень добрая по натуре, часто предлагала ей пустячки из тех, что Мег так хотелось иметь, но Мег всегда отказывалась, зная, что Джон этого не одобрит, и тогда наша глупая маленькая женщина взяла да и сделала такое, чем Джон оказался еще более недоволен.

Она знала доходы своего мужа, и ей очень нравилось чувствовать, что он доверяет ей не только свое счастье, но и то, что некоторые мужчины ценят гораздо больше, – свои деньги. Ей было известно, где они хранятся, она могла свободно брать, сколько хотела, и единственное, о чем он просил, – это чтобы она вела строгий счет каждому пенни, раз в месяц оплачивала все счета и не забывала, что она – жена человека бедного. До сих пор все это ей прекрасно удавалось, она была бережлива и точна, держала свои маленькие счетные книжки в порядке и каждый месяц бесстрашно показывала их мужу. Однако в эту осень в семейный рай Мег проник змей-искуситель и соблазнил ее, подобно многим Евам наших дней, не яблоками, но платьями.

Мег было неприятно чувствовать, что ее жалеют и дают понять, что она бедна. Это ее раздражало, но она стыдилась в этом признаться и время от времени стала утешаться тем, что покупала себе что-нибудь красивое – пусть Сэлли не думает, что ей приходится экономить. После этого она всегда чувствовала, что поступила дурно, ведь эти красивые вещицы редко бывали необходимы; впрочем, они стоили так мало, что не следовало об этом беспокоиться, зато в их с Сэлли экскурсиях по магазинам Мег больше не была пассивной зрительницей.

Однако «пустячки» оказались дороже, чем кто-то мог бы себе представить, и когда в конце месяца она подвела итог, он ее несколько напугал. Джон был в тот месяц особенно занят и оставил счета на ее усмотрение, в следующем месяце он отсутствовал, но на третий месяц пришлось грандиозное подведение квартальных итогов, которого Мег никогда не могла забыть. За несколько дней до этого она совершила нечто ужасное, и ее поступок тяжело обременял ее совесть. Сэлли покупала отрезы шелка на платья, и Мег невыносимо захотелось, чтобы у нее тоже было новое платье, просто красивое, легкое платье – для вечеринок, ведь ее черное шелковое было таким обыкновенным, а тонкие вечерние наряды теперь как раз очень приняты для молоденьких женщин. Тетушка Марч в канун Нового года обычно дарила сестрам деньги – по двадцати пяти долларов на каждую. Оставалось ждать всего месяц, а перед нею лежал прелестный, фиалкового цвета шелк, идущий по очень выгодной цене, и у нее как раз были

деньги, если только она решится их взять. Джон всегда говорил, что все принадлежащее ему – ее, однако сочтет ли он правильным, если она потратит не только свои будущие двадцать пять долларов, но плюс к ним еще двадцать пять из денег, отложенных на хозяйственные расходы? Вот в чем вопрос! Сэлли уговаривала Мег сделать покупку, предложила одолжить ей деньги и с самыми лучшими намерениями на свете соблазняла нашу маленькую женщину так, что у той не хватило сил противиться. В недобрый миг продавец развернул и поднял прелестные, поблескивающие серебром складки и произнес:

– Это очень выгодно, мэм, могу вас заверить!

И Мег ответила:

– Я его беру.

И шелк был отрезан и оплачен, и Сэлли восторгалась, а Мег смеялась, словно поступок этот не мог иметь последствий, но по пути домой чувство у нее было такое, будто она украла что-то и теперь полиция следует за нею по пятам.

Вернувшись домой, Мег попыталась умерить мучительные угрызения совести, раскинув перед собой прелестный шелк, однако сейчас он казался ей не таким серебристым и вроде бы даже не был ей к лицу, а слова «пятьдесят долларов» представлялись ей как бы отпечатанными на каждом полотнище ткани, словно узор. Она убрала шелк, но его образ преследовал ее, не доставляя удовольствия, как следовало бы будущему новому платью, а ужасая, будто призрак совершенной ею глупой ошибки, от которого не просто избавиться. Когда в тот вечер Джон достал счетные книги, у Мег сжалось сердце и, впервые за все время своего замужества, она почувствовала страх перед мужем. Казалось, что его добрые карие глаза глядят сурово, и, хотя он был необычайно весел, она вообразила, что он все уже обнаружил и только не намерен дать ей это понять. Все домашние счета были оплачены, все книги – в полном порядке, Джон ее похвалил и уже начал было расстегивать старый бумажник, который они называли своим «банком», когда Мег, зная, что «банк» пуст, остановила его руку, сказав с волнением:

– Ты еще не посмотрел мою книжку личных расходов.

Джон никогда не просил ее показывать ему эту книжку, но Мег всегда на этом настаивала, и ей обычно доставляло большое удовольствие то, как он, чисто по-мужски, поражается странным вещам, какие бывают нужны женщинам, и побуждать его самостоятельно догадываться, что такое «бигуди», яростно требовать объяснения, что означает «обними-меня-крепче», или же изумляться, как эта крохотная вещица, состоящая из трех розовых бутонов, лоскутка бархата и пары тесемок, превращается в шляпку, да еще и стоит шесть долларов.

В тот вечер он, казалось, и сам хотел бы позабавиться, подшучивая над ее записями, притворно ужасаясь ее расточительностью, как частенько это делал, на самом-то деле особенно гордясь своей бережливой женой.

Маленькая книжка была довольно медленно вынута и положена перед Джоном. Мег встала за его креслом, как бы желая разгладить морщины на усталом челе мужа, и из-за его спины проговорила, причем паника ее возрастала с каждым словом:

– Джон, милый, мне стыдно показывать тебе мою книжку, потому что я в последнее время и впрямь была ужасно расточительна. Я стала так много выходить, мне нужны всякие вещи, как ты понимаешь, а Сэлли посоветовала мне это купить, и я так и сделала, но мои новогодние деньги частично покроют эту трату, только я все равно потом об этом пожалела, потому что знаю – ты считаешь, что это у меня дурная черта.

Джон рассмеялся, вытянул ее из-за кресла и усадил рядом, добродушно ответив:

– Нечего прятаться, я же не побью тебя, если ты купила себе пару умопомрачительных ботиночек. Я очень горжусь ножками моей жены и не стану возражать, если она потратит восемь-девять долларов на свои ботинки, если они хороши.

То был один из последних ее «пустячков», и взгляд Джона упал как раз на эту запись, когда он произносил свои слова. «Ох, что же он скажет, дойдя до тех ужасающих пятидесяти долларов?» – содрогнувшись, подумала Мег.

– Это хуже, чем ботиночки, это – шелковое платье, – со спокойствием отчаяния произнесла она, желая, чтобы самое худшее было уже позади.

– Ну что же, милая, каков «треклятый итог», как выражается мистер Манталини?*

Это было вовсе не похоже на Джона, и Мег увидела, что он смотрит на нее тем прямым, искренним взглядом, какой она до сих пор всегда была готова встретить, отвечая на него столь же прямо и искренне. Она перевернула страницу и, в то же время отвернувшись от мужа, указала на цифру, которая была бы достаточно плоха и без «тех пятидесяти», но с ними казалась ей теперь отвратительной.

С минуту в комнате царила тишина, затем Джон сказал – неторопливо, но Мег почувствовала, каких усилий ему стоило не выказать своего недовольства:

– Ну, не знаю, слишком ли это много – пятьдесят долларов за платье со всеми оборками и прочими мелочами, нужными в наши дни для того, чтобы вышло вполне законченное платье.

– Оно не сшито и не отделано, – еле слышно выдохнула Мег, потому что неожиданное напоминание о грядущих затратах окончательно ее ошеломило.

– Двадцать пять ярдов шелка – довольно большая мера для того, чтобы укутать одну маленькую женщину, но у меня нет сомнений, что моя жена будет выглядеть не хуже жены Неда Моффата, когда она все эти ярды на себя наденет, – сухо заметил Джон.

– Я понимаю, что ты сердишься, Джон, но что же я могу тут поделать? Я не собираюсь зря тратить твои деньги, и я не думала, что все эти вещицы вызовут такие траты. У меня нет сил противиться, когда я вижу, как Сэлли покупает все, что ей захочется, и жалеет меня из-за того, что я этого не делаю. Я стараюсь быть всем довольной, но это трудно, и я устала быть бедной.

Последние слова прозвучали совсем тихо, и Мег подумала, что Джон их не услышал, но он их слышал, и они ранили его до глубины души, ведь ради Мег сам он отказывал себе во многих удовольствиях. А она пожалела, что не откусила себе язык в тот же миг, как произнесла эти слова, ибо Джон отшвырнул счетные книги и встал, сказав чуть дрогнувшим голосом:

– Вот этого я и боялся. Я делаю все, что могу, Мег.

Если бы он ее отругал или даже задал ей трепку, это не так надорвало бы ей сердце, как эти несколько слов. Она бросилась к нему, обняла, тесно прижавшись, проливая слезы раскаяния.

– Ах, Джон, мой любимый, добрый, усердно работающий мальчик, я не это хотела сказать, я не это имела в виду! А получилось так жестоко, так неблагодарно! Как я могла такое сказать?! О, как я могла?!

Он был к ней очень добр, охотно ее простил и ни словом ее не упрекнул, однако Мег понимала – она сказала и совершила такое, что не скоро забывается, хотя Джон, возможно, никогда больше и не упомянет об этом. Ведь она поклялась любить его и в радости, и в горе*, а теперь она – его жена! – упрекнула его в бедности, легкомысленно истратив заработанные им деньги. Это было ужасно, а самое худшее заключалось в том, что после всего произошедшего Джон вел себя так спокойно, словно ничего не случилось, только теперь он задерживался в городе дольше, чем прежде, а дома работал по ночам, когда Мег отправлялась спать и плакала до тех пор, пока глаза ее не смыкал сон. Неделя раскаяния чуть было не довела Мег до болезни, а открытие, что Джон отозвал свой заказ на новое зимнее пальто, довело ее до такого отчаяния, что на нее жалко было смотреть. В ответ на ее удивленный вопрос, почему он передумал, он просто сказал: «Я не могу себе этого позволить, моя дорогая».

Мег ничего больше не спросила, но несколькими минутами позже Джон застал ее в прихожей: уткнувшись лицом в его старое пальто, она рыдала так, словно сердце ее готово было разорваться.

В тот вечер они долго говорили, и Мег поняла и полюбила мужа еще сильнее из-за его бедности, потому что именно бедность, казалось, сделала его мужчиной, придала ему сил и мужества, чтобы пробивать свой собственный путь в жизни, и научила заботливому терпению, с которым ему приходилось переносить и утихомиривать столь естественные вожделения и промахи тех, кого он любил.

На следующий день Мег, убрав в карман свою гордость, отправилась к Сэлли, рассказала ей правду и попросила подругу, в виде одолжения, купить у нее злосчастный шелк. Добросердечная миссис Моффат охотно пошла ей навстречу и оказалась достаточно деликатной, чтобы сразу же не предложить ей этот шелк в подарок. Затем Мег заказала на дом зимнее пальто, от которого отказался Джон, а когда он пришел с работы, надела пальто и спросила мужа, как ему нравится ее новое шелковое платье? Можно себе представить, каков был его ответ, как он принял этот подарок и какое счастливое настроение воцарилось в маленьком доме. Джон стал приходить домой раньше, Мег больше не бегала пощебетать, а зимнее пальто каждое утро оказывалось на плечах очень счастливого мужа, тогда как вечером его помогала снять с этих плеч очень преданная маленькая женушка.

Так промелькнул год, а в середине лета к Мег пришел новый опыт, самый интимный и самый нежный опыт в жизни женщины.

Как-то в субботу Лори, крадучись, вошел на кухню «Давкота», и лицо его горело от возбуждения. Его встретило бряцание кимвал* – это Ханна, держа в одной руке кастрюлю, а в другой – крышку, аплодировала ими во всю мочь.

– Как наша маленькая мама? Куда все подевались? Почему вы мне ничего не говорили, пока я домой не приехал? – громким шепотом начал Лори.

– Счастливая прям как королева, наша миленькая! А из них каждая божья душа наверху почтенье оказывают. Мы не хотели тут никаких бурев устраивать. А вы теперь подите-ка в гостиную, и я ихнюю всю кумпанию к вам пошлю, – таков был несколько путанный ответ, с которым Ханна исчезла, фыркая от приступов смеха, словно в экстазе.

Вскоре появилась Джо, гордо неся фланелевый сверток, возложенный на большую подушку. Лицо Джо было совершенно серьезно, но глаза сияли, а в голосе слышался странный отзвук какого-то усмиренного чувства.

– Закройте глаза и протяните руки, – призывно произнесла она.

Лори поспешно отступил в какой-то угол и спрятал руки за спину с умоляющим возгласом:

– Нет, спасибо! Лучше не надо. Я его уроню или помну, это же ясно как день.

– Тогда вы не увидите вашего племянца, – решительно заявила Джо, поворачиваясь и будто бы собираясь уйти.

– Ладно, ладно. Только отвечать за повреждения придется вам. – И, подчинившись указаниям, Лори героически закрыл глаза, в то время как что-то было положено на его протянутые руки.

Взрыв смеха со стороны Джо, Эми, миссис Марч, Ханны и Джона в тот же миг заставил его их открыть, и он обнаружил, что ему вручили двух младенцев вместо одного! Все смеялись, но удивляться тут нечему, так как выражение, появившееся на лице Лори, было столь комичным, что рассмешило бы до конвульсий даже квакера*. Лори стоял с широко раскрытыми глазами, в таком смятении переводя недоуменный взгляд с невинных, безмятежно спящих младенцев на веселящихся зрителей, что Джо, заливаясь смехом, уселась на пол.

– Двойняшки! Клянусь Юпитером! – вот и все, что он смог произнести в первую минуту. Потом, обратившись к женщинам с комически жалостным видом, он взмолился: – Возьмите же их у меня, кто-нибудь, скорее! А то я сейчас засмеюсь и уроню их!

Джо спасла от него младенцев и принялась ходить с ними по комнате, держа по малышу на каждой руке, словно была уже посвящена в тайны ухода за новорожденными, тем самым дав Лори возможность вволю посмеяться, пока по щекам у него не покатались слезы.

– Это самый блестящий розыгрыш нынешнего сезона, правда? Я ни за что не хотела раньше вам говорить, потому что всей душой решила устроить вам сюрприз, и лыщу себя надеждой, что у меня это здорово получилось! – заявила Джо, едва переведя дух.

– Никогда в жизни не был я так потрясен. Ну разве не здорово? Они оба мальчики? А как вы их назовете? Дайте-ка мне еще разок на них взглянуть. Поддержите меня, Джо, потому что, собственной жизнью клянусь, для меня это ровно на одного больше, чем можно было ожидать! – восклицал Лори, разглядывая младенцев, словно огромный ньюфаундленд, доброжелательно взирающий на парочку недавно рожденных котят.

– Мальчик и девочка. И такие оба красивые, не правда ли? – спросил гордый папаша, просияв над своими маленькими красненькими «дрыгунками», словно те были бескрылые ангелочки.

– Они – самые замечательные дети, каких я когда-либо видел. А кто тут кто? – И Лори, подобно колодезному журавлю, низко склонился над ними, чтобы как следует осмотреть чудомладенцев Джона.

– Эми надела на мальчика голубую ленточку, а на девочку – розовую по французской моде, так что их всегда можно различить. Кроме того, у одного – голубые глаза, а у другого – карие. Поцелуйте племяшей, дядюшка Лори, – посоветовала коварная Джо.

– Боюсь, это может им не понравиться, – начал было Лори, вдруг проявив необычайную застенчивость в этих делах.

– Конечно понравится – они ведь к этому уже привыкли. Сей же миг поцелуйте, сэр! – скомандовала Джо, испугавшись, что Лори может передоверить это кому-то другому.

Лицо у Лори напряглось, однако он послушался и очень осторожно прикоснулся губами к щечке каждого из малышей, что вызвало новый взрыв смеха у взрослых, младенцы же завопили в ответ.

– Ну вот, я так и знал, им это не понравилось! Это все мальчишка! Видите, как он лягается и кулаками размахивает, как большой. Ну-ка, юный Брук, будь так добр, бросайся на того, кто тебе самому под стать, очень прошу! – вскричал Лори, восхищенный ударом крохотного кулачка по своей физиономии, хотя тот просто бесцельно махал в воздухе.

– Он у нас будет Джон Лоренс, а девочка – Маргарет, как ее мама и бабушка. Но мы будем звать ее Дейзи*, чтобы в доме не было двух Мег, а мальчишка будет Джек, если мы не придумаем ему имени получше, – объявила Эми тоном заботливой тетушки.

– Назовите его Демиджон*, а сокращенно зовите Деми, – предложил Лори.

– Дейзи и Деми – как раз то, что надо! Я так и знала – Тедди все придумает, и делу конец! – вскричала Джо, захлопав в ладоши.

Тедди в этот раз и правда положил делу конец, ведь к концу главы малыши уже звались Дейзи и Деми.

Глава шестая

Визиты

– Пора, Джо. Идем!

– Куда?

– Неужели ты собираешься сказать мне, что забыла? Ты же обещала сделать сегодня со мной полдюжины визитов!

– Я сделала множество поспешных и глупых поступков в своей жизни, но мне кажется, я еще не совсем сошла с ума, чтобы пообещать нанести шесть визитов за день, когда даже один-единственный выводит меня из себя на целую неделю.

– Обещала, обещала! Мы же с тобой сделку заключили: я должна была закончить для тебя портрет Бет пастелью, а ты – должным образом пойти со мной наносить ответные визиты нашим соседям.

– Если бы погода была хорошая, это был бы честный договор, Шейлок*, а дав обязательство, я всегда исполняю его до последней буквы! Но на востоке видна целая куча туч, идет гроза, а это в нем не учтено, значит договор не честный, так что я никуда не иду.

– Ну, знаешь, это просто уклонение от обязательств. Погода чудесная, нет и намека на дождь, а ты гордишься тем, что всегда держишь слово, так что будь честна, выполни свой долг и пойдем со мной, а следующие полгода снова будешь жить спокойно.

Как раз в тот момент Джо была особенно поглощена шитьем одежды, ибо стала генеральным портным, создававшим манто для всех членов семьи, и сама справедливо ставила это себе в заслугу, потому что владела иглой столь же искусно, как пером. Бывает совсем некстати, когда тебя прерывают во время первой прикидки, да еще велят в жаркий июльский день выходить с визитами в твоей лучшей одежде. Джо терпеть не могла формальных визитов; она никогда их не делала до тех пор, пока Эми не стала принуждать ее к этому с помощью сделок, подкупа или обещаний.

На этот раз никакого выхода не оставалось, и, возмущенно клацнув ножницами и заявив, что носом чует грозу, Джо сдалась, отложила свое шитье и, с видом полнейшего смирения взяв шляпку и перчатки, объявила Эми, что жертва готова.

– Джо Марч! Твоя извращенность способна вывести из себя даже святого! Надеюсь, ты не намереваешься делать визиты в таком виде? – вскричала Эми, потрясенно глядя на сестру.

– Да почему же нет? Одежда моя опрятна, мне в ней прохладно и удобно, она вполне годится для ходьбы по пыльной дороге в жаркий день. Если людей больше заботит моя одежда, чем я сама, то я не желаю их видеть. Ты можешь разодеться за нас обеих и быть сколько угодно элегантной – тебе это только на пользу. А мне – вовсе нет, оборки да побрякушки меня только раздражают.

– Святые Небеса! Теперь у нее приступ противостояния! Это сведет меня с ума прежде, чем я добьюсь, чтобы она была по-настоящему готова! А на самом деле – что мне-то за удовольствие идти сегодня с визитами? Но ведь это наш долг перед обществом, а никто другой не может его выполнить, кроме нас с тобой, Джо. Я для тебя сделаю все, что захочешь, если только ты мило оденешься и поможешь мне выполнить этот долг вежливости. Ты так хорошо умеешь беседовать, можешь так аристократично выглядеть в твоей нарядной одежде и так замечательно вести себя, если постараться, что я тобой горжусь. Я боюсь идти одна, прошу тебя – пойдем со мной, позаботься обо мне хоть немножко!

– Ты – коварная маленькая кисонька, всегда умеешь подольститься и уговорить свою старую злоку-сестру. Подумать только, я – аристократична и хорошо воспитана, а ты боишься пойти куда-нибудь одна! Не знаю даже, что из этого более абсурдно. Ладно уж, пойду, раз

должна, и сделаю все, что в моих силах. Ты будешь командовать вылазкой, а я – слепо тебе подчиняться. Это тебя удовлетворит? – спросила Джо, неожиданно сменив свою несговорчивость на ангельскую кротость.

– Ты просто настоящий херувим! Теперь надевай все самое лучшее, а я буду говорить тебе, как надо вести себя в том или другом доме, чтобы произвести хорошее впечатление. Мне хочется, чтобы ты всем понравилась, и так оно и случится, стоит тебе лишь постараться вести себя чуть более согласно с правилами. Уложи волосы покрасивее и приколи бледно-красную розу к шляпке. Это будет тебе к лицу, а то ты выглядишь слишком серьезной в твоём простом, без украшений, наряде. Возьми светлые перчатки и вышитый платочек. Мы зайдем к Мег, попросим у нее ее белый зонтик от солнца, а ты сможешь взять мой, цвета крыльев голубки.

Эми отдавала эти распоряжения, одеваясь, а Джо выполняла их, впрочем не так уж беспрекословно, ибо она вздыхала, надевая новое, шуршащее платье из органди*, мрачно хмурилась своему отражению, вывязывая тесемки собственной шляпки безупречным бантом, яростно сражалась с булавками, пристегивая воротничок, морщилась всем лицом, расправляя платочек, чья вышивка столь же сильно травмировала ее нос, сколь сегодняшняя миссия – все ее чувства. А втиснув руки в качестве завершающего ее элегантность штриха в тугие перчатки с тремя пуговками и кисточкой, она обернула к Эми обезумевшее лицо и кротко произнесла:

– Я чувствую себя совершенно несчастной, но если ты находишь, что я выгляжу достойно, я умру счастливой.

– Да, ты можешь удовлетворить самые высокие требования. Теперь медленно поворачивайся, дай мне как следует все осмотреть.

Джо стала медленно поворачиваться, а Эми принялась добавлять по штриху то тут, то там, затем отступила назад, склонив голову набок, и благосклонно заметила:

– Да, так годится. Твоя головка – просто все, чего можно было бы желать, ведь эта белая шляпка с розой совершенно очаровательна. Выпрями спину и не держи руки так напряженно, даже если перчатки жмут. Знаешь, есть одна вещь, которую ты замечательно умеешь делать, это носить шаль, Джо. Я-то не могу*, но смотреть на тебя в шали – истинное удовольствие, и я так рада, что тетушка Марч подарила тебе такую прелесть. Шаль простая, но очень красивая, а ее складки спадают с твоих плеч на руки по-настоящему артистично. Посмотри, кончик моей мантильи точно ли посередине и ровно ли лежат складки платья? Мне нравится, когда видны ботиночки – ведь у меня красивые ноги, хотя мой нос таким не назовешь!

– Да ты у нас всегда – воплощение вечной радости и красоты, – ответствовала Джо, с видом знатока разглядывая через сложенную трубочкой ладонь голубое перо на фоне золотистых волос. – Должна ли я волочить свое лучшее платье по пыли, или мне перекинуть юбку через руку, подскажите, мэм, очень прошу?

– Просто приподнимай юбку, когда идешь по дороге, но сразу опускай, как войдешь в дом. Пышные длинные юбки – стиль, более всего тебе подходящий, и тебе следует научиться так их носить, чтобы подол изящно скользил по полу. Ты один манжет застегнула лишь до половины, немедленно все поправь! Ты никогда не будешь выглядеть изысканно, если станешь пренебрегать мелочами, ведь именно они создают приятную цельность.

Джо, вздохнув, покорила и чуть не пооборвала пуговицы на перчатке, спеша застегнуть манжет, однако в конце концов обе сестры были готовы и плавно удалились прочь – «хороши, прям как картинки», по выражению Ханны, высунувшейся из верхнего окна, чтобы посмотреть им вслед.

– А теперь, Джо, дорогая, помни, что Честеры считают себя людьми весьма элегантными, так что я хочу, чтобы ты показала им свои самые лучшие манеры. Не допускай никаких резких высказываний, никаких странных выходок, очень тебя прошу! Просто будь холодна, сдержанна и молчаливо-спокойна, такое поведение безопасно и вполне подходит леди. А ты вполне

способна минут пятнадцать такую быть, – говорила Эми, когда они, одолжив белый зонтик и пройдя инспекционный досмотр у Мег, державшей по младенцу на каждой руке, подходили к первому из намеченных Эми домов.

– Дай мне подумать. Холодна, сдержанна и молчаливо-спокойна? Да, полагаю, это я могу пообещать. Мне приходилось играть роль чопорной юной леди в спектакле, и я попробую это показать. У меня же великолепные способности, ты сама увидишь, так что пусть твоя душенька будет спокойна, дитя мое.

Эми вздохнула с облегчением, но озорница Джо поймала ее на слове, и во время первого визита сидела, грациозно расположив свои руки и ноги и даже складки своего платья, спокойная, словно летнее море, холодная, как снежный сугроб, и молчаливая, словно сфинкс. Тщетно упоминала миссис Честер о ее «прелестном романе», напрасно юные мисс Честер заводили разговор о вечеринках, пикниках, об опере и последних фасонах. Все до единой получали они в ответ лишь улыбку, наклон головы и сдержанное «да» или «нет», произносимые холодным тоном. Тщетно телеграфировала ей Эми слово «беседуй!», пытаясь вытянуть ее из «спокойной молчаливости», тщетно наносила ей никому не видимые толчки ногой, Джо сидела, будто бы совершенно не чувствуя всего этого, и лицо ее было подобно лицу Мод* – «холод совершенства, роскошное ничто».

«Что за высокомерное, неинтересное создание – эта старшая мисс Марч!» – было, к несчастью, хорошо расслышанное сестрами замечание одной из дам, когда за гостями закрывалась дверь. Все то время, что они шли через прихожую, Джо беззвучно смеялась, но Эми был противен такой провал ее поучений, и она, вполне естественно, возлагала всю вину за это на Джо.

– Как могла ты так неверно все истолковать? Я всего лишь хотела, чтобы ты вела себя с истинным достоинством и сдержанностью, а ты притворилась бездушной деревяшкой. Постарайся у Лэмбов быть общительной, посплетничай, как это делают другие девицы, прояви интерес к платьям, к флирту и к любой чепухе, о какой пойдет разговор. Они же все возвращаются в самом лучшем обществе, и нам очень важно поддерживать с ними знакомство, я ни за что не хотела бы провалить наши попытки произвести на них хорошее впечатление.

– Я буду вести себя более приятно. Я стану сплетничать и хихикать, ужасаться и восторгаться какими угодно пустяками. Я сумею – ведь у меня есть теперь модель – Мэй Честер, и я даже смогу ее немного улучшить. Пожалуй, мне это начинает нравиться. Вот увидишь, у Лэмбов скажут: «Что за живое, милое создание – эта Джо Марч!»

Эми взволновалась, и не напрасно, ведь если уж Джо начинает озорничать, никогда не угадаешь, где она остановится. Надо было видеть лицо Эми, когда у нее на глазах ее сестрица впорхнула в очередную гостиную, бурно расцеловала всех юных леди, одарила всех юных джентльменов благожелательно сияющим взглядом и вступила в беседу с таким воодушевлением, что поразила всех, кто это мог наблюдать. Эми же в тот момент оказалась во власти миссис Лэмб, которая ее очень любила, и должна была выслушать длинный отчет о последнем припадке Люкриши, тогда как три восхитительных юных джентльмена крутились поблизости, ожидая паузы, чтобы совершить вторжение и спасти несчастную жертву. В создавшейся ситуации Эми была бессильна остановить Джо, которой, по-видимому, завладел дух озорства, и она болтала без умолку, как и хозяйка дома. Сонм заинтересованных голов собрался вокруг нее, и Эми напрягала слух, пытаясь расслышать, что там происходит, так как долетавшие к ней обрывки фраз возбуждали ее любопытство, а учащавшиеся взрывы смеха рождали страстное желание участвовать в этой забаве. Легко можно представить себе, как страдала она, расслышав, к примеру, такой отрывок беседы: «Она великолепно ездит верхом. Кто ее учил?» – «Никто. Она тренировалась садиться верхом, управляться с поводьями и правильно держаться в седле, пользуясь старым седлом, укрепленным на дереве. А теперь она может скакать на чем угодно – ведь она не знает страха, и владелец конюшни дает ей любую лошадь задешево, потому

что она так хорошо обучает их подчиняться дамам-наездникам. У нее просто страсть к этому делу, и я часто говорю ей, что, если ей ничего другого не удастся добиться, она сможет стать обездчиком лошадей и так зарабатывать себе на жизнь».

Слушая это ужасное высказывание, Эми с трудом сдерживалась, ведь о ней создавалось впечатление как о довольно легкомысленной юной девице, а сие вызывало у нее особое отвращение. Но что она могла тут поделать? Миссис Лэмб добралась лишь до середины своего повествования, а задолго до того, как пожилая дама умолкла, Джо снова принялась за свое, произнося все новые забавные откровения и делая все больше устрашающе глупых ошибок.

«Да, Эми в тот день была просто в отчаянии: всех хороших лошадей разобрали, а из трех оставшихся одна была хромая, одна – слепая, а третий – такой норовистый, что приходилось ему полон рот грязи набивать, прежде чем он трогался с места. Милое животное для приятной прогулки, не правда ли?» – «И какую же из них она выбрала?» – спросил один из смеющихся джентльменов, явно наслаждавшихся темой разговора». Да никакую. Она слышала о молодом жеребце на ферме за рекой, и, хотя он еще никогда не ходил под дамским седлом, она решила попробовать, потому что он был красивый и горячий. Ее старания тогда стали поистине героическими. Не было никого, кто мог бы доставить коня к седлу, так что Эми пришлось своими силами тащить к нему седло. Моя дорогая сестрица! Ей на деле пришлось самой грести с этим седлом через реку, водрузить его себе на голову и шагать так до амбара, к величайшему изумлению старика-хозяина!» – «И что же, она все-таки поехала на этом жеребце?» – «Конечно! И великолепно провела время. Я-то ожидала, что ее доставят домой вдребезги разбитой, но она с ним совершенно блестяще управилась и стала душой всей компании». – «Ну, вот это смелость, скажу я вам!» И юный мистер Лэмб устремил одобрительный взор на Эми, удивляясь при этом, что же такое могла говорить ей его матушка, чтобы заставить юную леди так покраснеть и выглядеть такой смущенной.

Однако минуто спустя Эми стала выглядеть еще краснее и еще смущеннее, так как неожиданный поворот в беседе породил новый сюжет: одежда. Одна из девиц спросила у Джо, где она взяла ту замечательно блеклую желтовато-коричневую шляпку, в которой была на пикнике, а глупая Джо, вместо того чтобы просто сказать, в каком магазине она ее купила два года тому назад, ни с того ни с сего ответила с никому не нужной откровенностью: «Ах, это Эми ее покрасила. Невозможно купить такие приглушенные оттенки, так что мы сами красим свои шляпки в любой цвет, какой нам понравится. Огромное удобство – иметь сестру-художницу».

– Какая оригинальная идея, не правда ли? – воскликнула мисс Лэмб, находившая Джо весьма забавной.

– Но что это в сравнении с другими ее придумками? Нет ничего такого, чего эта девочка не могла бы сотворить! Ну как же, вот ей понадобились голубые ботиночки к вечеринке у Сэлли, так она просто покрасила свои запачкавшиеся белые в небесно-голубой цвет прелестнейшего оттенка, какой только можно себе представить, и они стали выглядеть как настоящие атласные, – откровенничала Джо, и видно было, как она гордится талантами своей сестры, а это раздражило Эми до такой степени, что она с огромным облегчением запустила бы в негодницу футляром для визитных карточек.

– На днях мы читали один из ваших новых рассказов и он доставил нам большое удовольствие, – промолвила старшая мисс Лэмб, желая сделать Джо комплимент как даме-литератору, хотя следует признаться, что в тот момент Джо вовсе на таковую не походила.

Любое упоминание ее работ всегда плохо сказывалось на настроении Джо: она либо застывала и казалась обиженной, либо сразу меняла тему разговора, кратко заметив – вот как сейчас:

– Жаль, что у вас не нашлось ничего лучшего для чтения. Я ведь пишу эту чепуху потому, что она продается и простым людям она нравится. А вы поедете в Нью-Йорк этой зимой?

Поскольку мисс Лэмб получила большое удовольствие от рассказа, сей отклик прозвучал не такой уж благодарностью и вовсе не мог быть принят за ответный комплимент. В ту же минуту, как она произнесла это, Джо поняла свою ошибку, но, опасаясь еще более осложнить ситуацию, вспомнила, что сама должна сделать первый шаг к уходу, и так и поступила, но слишком поспешно, из-за чего трое участников беседы остались с недосказанными фразами во рту.

– Эми, нам пора идти. До свидания, дорогая. Приходите повидать нас. Мы просто жаждем вашего визита. Я не решаюсь приглашать вас, мистер Лэмб, но если вам захочется прийти к нам, не думаю, что я осмелюсь отослать вас прочь!

Джо произнесла все это с такой забавно-бурной интонацией – в экспансивном стиле Мэй Честер, – что Эми пришлось выйти из комнаты со всей быстротой, какая была возможна, поскольку у нее возникло сильное желание прыснуть со смеху и разрыдаться в одно и то же время.

– Ну как, хорошо я себя вела? – с удовлетворенным видом спросила Джо, когда они удалялись от дома Лэмбов.

– Да хуже некуда! – прозвучал уничтожающий ответ Эми. – С чего вдруг тебе в голову пришло рассказывать им все эти истории про мое седло, и про шляпки, и ботиночки, и все остальное?

– А что тут такого? Это же все забавно и всех развлекает. Они же знают, что мы бедны, так что нет смысла делать вид, что у нас имеются грумы, что мы можем приобрести три или четыре дамских седла или покупать себе четыре новые шляпки каждый сезон с такой же легкостью и изяществом, как это делают они сами.

– Тебе вовсе незачем было рассказывать им о всех наших маленьких уловках и выстав-лять напоказ нашу бедность с такой ненужной откровенностью. У тебя нет ни капельки долж-ной гордости, тебе ни за что не научиться, когда следует придержать язык, а когда – высказы-ваться! – заявила Эми в отчаянии.

Бедняжка Джо выглядела совершенно сконфуженной и молча терла кончик своего носа жестким вышитым платочком, как бы в наказание за неправильное поведение.

– А как же мне вести себя здесь? – спросила она, когда они приближались к третьему особняку.

– Да как тебе заблагорассудится. Я умываю руки, – коротко отвечала ей Эми.

– Тогда я смогу получить здесь большое удовольствие. Мальчики теперь дома, на кани-кулах, и мы прекрасно проведем время. Беру Небо в свидетели, что мне необходима хотя бы небольшая перемена обстановки – элегантность оказывает дурное влияние на мой организм, – ворчливо отозвалась Джо, почувствовав, что ее душевное равновесие нарушено, раз ей не уда-лось угодить сестре.

Но энтузиазм, с которым их приветствовали трое юношей и несколько симпатичных детишек, очень быстро утихомирил взъерошенные чувства Джо. Так что, оставив Эми развлека-ть хозяйку дома и мистера Тюдора, который как раз в это время тоже явился с визитом, Джо посвятила все свое внимание молодежи и нашла такую перемену обстановки весьма освежа-ющей.

Она с глубоким интересом слушала истории из жизни колледжа, безропотно ласкала пойнтеров и пуделей, от всего сердца подтверждала, что «Том Браун* молодчага», не считаясь с неэлегантностью подобной формы выражения похвалы, а когда один из подростков предложил ей посетить его бассейн с черепахами, она согласилась с такой готовностью, что их маменька просияла ей улыбкой, поправляя чепец, сбитый набок и совершенно смятый сыновьями, чьи объятия, хотя и нежные, все же слегка походили на медвежьи, но были более матери дорогими, чем безупречная куафюра, сотворенная руками вдохновенной француженки.

Предоставив сестре действовать по ее собственному усмотрению, Эми наслаждалась теперь от всей души. Дядюшка мистера Тюдора был женат на англичанке, которая оказалась троюродной кузиной какого-то ныне живущего лорда, и Эми относилась ко всему семейству с величайшим почтением, ибо, вопреки своему американскому происхождению и воспитанию, она питала почтение к титулам, каковое не чуждо даже лучшим из нас, – этакую не признаваемую преданность стародавней вере в королей, которая несколько лет тому назад повергла самый демократичный народ в сильнейшее волнение при известии, что в страну прибывает желтоволосый юнец королевской фамилии. Такая преданность все еще как-то соотносится с той любовью, что наша молодая страна питает к старой, подобно тому как большой, повзрослевший сын относится к своей маленькой властной матери, удерживавшей его при себе, пока это было возможно, и отпустившей его, отругав на прощанье, когда он взбунтовался.

Однако даже удовольствие от разговора с дальней кузиной британского аристократического семейства не позволило Эми забыть о времени, и, когда прошло положенное количество минут, она неохотно оторвалась от этого аристократического общества и огляделась, ища в комнате Джо, всей душой надеясь, что ее неисправимая сестрица не будет обнаружена в ситуации, могущей принести бесчестье гордому имени Марч.

Могло бы быть гораздо хуже, но Эми сочла, что и это плохо. Ибо Джо сидела на траве посреди целого лагеря мальчишек, на юбке ее великолепного праздничного платья расположился какой-то грязнолапый пес, а она в это время рассказывала восхищенной аудитории о какой-то из проделок Лори. Один из малышей тыкал в черепах обожаемым летним зонтиком Эми, другой ел имбирную коврижку прямо над выходной шляпкой Джо, а третий играл в мяч в ее перчатках, но тем не менее все явно наслаждались происходящим, и, когда Джо собрала свои попорченные пожитки, намереваясь уйти, весь лагерь поднялся, чтобы служить ей эскортом, приглашая ее приходить еще. «Было так весело слушать про проделки Лори!»

– Превосходные ребята, правда? Я снова чувствую себя молодой и свежей после этого, – призналась Джо, бодро шагая рядом с Эми и заложив руки за спину, отчасти по привычке, отчасти – чтобы скрыть забрызганный грязью зонтик.

– Почему это ты всегда избегаешь мистера Тюдора? – спросила Эми, мудро воздерживаясь от комментариев по поводу неряшливого вида Джо.

– Не люблю его. Он задается, свысока смотрит на своих сестер, вызывает беспокойство у отца и неуважительно говорит о своей матери. Лори утверждает, что он легкомыслен, и я не считаю таким уж желательным знакомство с мистером Тюдором, потому и не обращаю на него внимания.

– Но ты могла бы, по крайней мере, быть с ним просто вежливой, а ты только холодно ему кивнула, зато сейчас поклонилась и очень любезно улыбнулась Томми Чемберлену, отец которого держит бакалейную лавку. Если бы ты поменяла кивок и поклон местами, это было бы как раз то, что надо, – с упреком произнесла Эми.

– Нет, не то, что надо. Я не люблю, не уважаю Тюдора и не испытываю восхищения перед ним, пусть даже племянница племянника дядюшки его дедушки – троюродная кузина какого-то лорда. Томми беден и застенчив, и он очень добрый и очень умный. Я хорошо к нему отношусь, и мне нравится показывать ему это отношение, потому что он – джентльмен, несмотря на все их пакеты из коричневой оберточной бумаги.

– Нет смысла с тобою спорить... – начала было Эми.

– Ни малейшего, моя милая, – прервала ее Джо, – а посему давай-ка будем выглядеть подружелюбнее и оставим здесь визитную карточку, так как Кингов явно нет дома, за что я глубоко благодарна судьбе.

Футляр для семейных карточек сослужил свою службу, и сестры отправились к следующему дому, где Джо снова возблагодарила судьбу, поскольку им сообщили, что юные леди заняты.

– А теперь пойдем-ка домой, вовсе не обязательно идти сегодня к тетушке Марч. Можно забежать к ней в любой день, в любое время, и на самом деле просто жаль тащиться по такой пыли в наших лучших выходных одежках, да еще когда мы уставшие и сердитые.

– Говори, пожалуйста, за себя, если тебе так хочется. Тетушка Марч любит, чтобы ей делали приятное, нанося визиты в должном стиле и по всей форме. Это такая малость, но она доставляет тетушке удовольствие, и мне не верится, что это повредит твоим одежкам хотя бы вполтину так, как смогли их попортить грязные собаки и неуклюжие мальчишки. Наклонись, дай мне счистить крошки с твоей шляпки.

– Какая же ты добрая девочка, Эми! – с раскаянием проговорила Джо, переводя взгляд со своего попорченного костюма на одежду сестры, по-прежнему безупречно чистую и свежую. – Хотелось бы и мне делать то, что ты называешь «такой малостью», так же легко, как это делаешь ты, чтобы доставлять людям удовольствие. Я думаю об этом, но выполнение таких малостей отнимает так много времени, что я откладываю их на потом, ожидая возможности оказать великую услугу. А ведь мелкие в конечном счете говорят о нас больше и лучше, как я понимаю.

Эми улыбнулась, тотчас смягчившись, и сказала, приняв умудренно-материнский вид:

– Женщинам следует учиться быть приятными, особенно тем, что бедны, ибо у них нет других способов отплатить за доброту и любезности, какие им оказывают. Если бы ты помнила об этом и практически пользовалась этим принципом, ты всем нравилась бы намного больше, чем я, ведь в тебе гораздо больше тебя.

– Я – старая и ворчливая особа, такой и останусь, однако я готова с охотой признать, что ты права, только мне гораздо легче рискнуть собственной жизнью ради человека, чем быть с ним приятной, если мне это не по душе. Ужасное несчастье – иметь такие сильные пристрастия и предубеждения, правда?

– Но еще ужаснее – не уметь их скрывать. Могу сказать, что я тоже не одобряю Тюдора, но никто не просил меня говорить ему об этом, да и тебя тоже. Так что незачем делаться неприятной из-за того, что он сам такой.

– Но я думаю, что девушкам следует показывать молодым людям, когда они их не одобряют, а как же иначе могут они это сделать, если не своей манерой обращения с ними? Проповеди никакой пользы не приносят, я это, к моему великому огорчению, хорошо знаю с тех пор, как мне пришлось управляться с Тедди. Но существует масса почти незаметных способов, какими я могу повлиять на него без единого слова, и я утверждаю, что нам следует, если возможно, так же поступать и с другими юными джентльменами.

– Тедди – необыкновенно примечательный юноша, и его нельзя сравнивать с другими молодыми людьми, – заявила Эми, и в тоне ее звучала святая убежденность, которая заставила бы необыкновенно примечательного юношу содрогаться от смеха, если бы он это услышал. – Будь мы светскими красавицами или состоятельными женщинами с положением в обществе, мы, вероятно, могли бы что-то сделать, но таким, как мы с тобой, бесполезно хмуриться на какую-то группу молодых джентльменов из-за того, что мы их не одобряем, и улыбаться другой группе, показывая им свое одобрение, – это не будет иметь ни малейшего эффекта. Нас просто сочтут странными или пуританками.

– Значит, нам следует мириться с теми вещами и с теми людьми, которых мы терпеть не можем, потому что мы не красавицы и не миллионерши, да? Что за прелестная мораль!

– Я не умею спорить о таких вещах. Я знаю только, что так уж принято вести себя в обществе и что над теми людьми, кто восстает против этого, все смеются, ибо их старания тщетны. Я сама не люблю реформаторов и надеюсь, что ты не будешь даже пытаться стать одной из них.

– А мне они нравятся, и я стану одной из них, если сумею, потому что, хотя общество и смеется над ними, оно без них не сможет двигаться дальше. Мы с тобой никогда в этом не будем согласны, так как ты принадлежишь к группе людей со старыми взглядами, а я –

к сторонникам новых. Ты продвинешься лучше и дальше, чем я, зато мои дни будут полны увлекательной жизни. Пожалуй, меня даже станут радовать камни и поношения.

– Ну ладно, а теперь соберись и не вздумай беспокоить тетушку своими новыми идеями.

– Постараюсь не беспокоить. Только меня всегда тянет разразиться какой-нибудь особенно резкой революционной речью в ее присутствии. Это просто рок какой-то, я не могу с этим сладить.

У тетушки Марч они застали и тетушку Кэррол: обе старые дамы были увлечены обсуждением какого-то очень интересного сюжета, но, обменявшись понимающими взглядами, прекратили разговор сразу же, как только появились сестры, и это предательски выдало девушкам, что тетки говорили о своих племянницах. Джо пребывала в дурном настроении, к ней вернулся дух противоречия, однако Эми, добродетельно выполнившая свой долг перед обществом, была чрезвычайно терпелива, всем приятна и находилась в самом ангельском расположении духа. Ее дружелюбие почувствовалось сразу же, и обе тетушки ее буквально «тетешкали», очень нежно называя ее «моя дорогая», а Эми при этом выглядела так, что потом эти старые дамы с чувством утверждали: «Это дитя хорошеет с каждым днем!»

– Ты собираешься помогать на благотворительной ярмарке, моя дорогая? – спросила миссис Кэррол, когда Эми усаживалась рядом с ней с видом полной доверчивости, какой пожилым людям так нравится в людях молодых.

– Да, тетя. Миссис Честер спросила меня, буду ли я участвовать, и я предложила постоять за одним из столиков, раз я ничего другого, кроме своего времени, предложить не могу.

– А я не буду, – решительно вмешалась Джо. – Я терпеть не могу, когда ко мне относятся свысока, а Честеры полагают, что оказывают нам великую услугу, разрешая помогать на их ярмарке, в которой принимают участие высокопоставленные особы. Меня удивляет, Эми, что ты согласилась. Им ведь просто нужно, чтобы ты для них поработала.

– А я и хочу поработать. Ведь это – для освобожденных невольников*, а не только для самих Честеров, и я считаю, что очень любезно с их стороны позволить мне участвовать и в этом труде, и в этом развлечении. Отношение свысока меня не задевает, если за ним стоят добрые намерения.

– Совершенно верно. Мне нравится, что в тебе жив дух благодарности, моя дорогая. Это большое удовольствие – помогать людям, которые ценят наши старания. Некоторые на это не способны, что весьма огорчительно, – заметила тетушка Марч с довольно мрачным видом, устремив взгляд поверх очков на Джо, покачивавшуюся в кресле-качалке чуть поодаль.

Если бы только Джо могла знать, какое огромное счастье ждало одну из сестер на колеблющихся невидимых весах, она в тот же миг стала бы нежной, словно голубица, но, к сожалению, в груди у нас нет окон, и мы не видим, что творится в душах наших друзей и близких. Да и лучше, что не видим, если говорить в общем плане, но от раза к разу это было бы так удобно, так сэкономило бы время и умеряло бы вспыльчивый нрав! Последовавшей за тем речью Джо лишила себя нескольких лет удовольствий и напросилась на своевременный урок должного умения держать язык за зубами.

– Я не люблю покровительства, не люблю одолжений – они меня угнетают, вызывают такое чувство, будто я попала в рабство. Я лучше буду всего добиваться сама и останусь совершенно независимой.

– Кхм! – негромко кашлянула тетушка Кэррол и взглянула на тетушку Марч.

– Ну я же тебе говорила, – ответствовала тетушка Марч, утвердительно кивнув тетушке Кэррол.

В счастливом неведении о том, что она только что совершила, Джо сидела, гордо задрав нос, с видом весьма революционным и не весьма привлекательным.

– А ты говоришь по-французски, моя дорогая? – спросила миссис Кэррол, положив свою руку на руку Эми.

– Довольно хорошо: спасибо тетушке Марч – она разрешает Эстер говорить со мною так часто, как мне этого хочется, – отвечала Эми, благодарно взглянув на тетушку Марч, что вызвало у старой дамы довольную улыбку.

– А как у тебя с языками? – обратилась миссис Кэррол к Джо.

– Не знаю ни словечка! Я ужасно тупа, глуха к любому ученью, не выношу французского – он такой скользкий, глупый язык! – последовал резкий ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.